Г. Фробеніусъ
лейтенантъ германской арміи

Роковой часъ германской имперіи

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА.

Г. ФРОБЕНІУСЪ
оберъ-лейтенантъ германской службы.

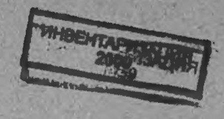
РОКОВОЙ ЧАСЪ
ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго
М. ПАНИНА.

Обложка художника РЕ—МИ.

Книгоиздательство М. В. ПОПОВА.
Петроградъ, Невскій проспектъ, 66.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Е. М. Малаховскаго, Петрогр. ст., Большой пр. 17.
Тел. 616-57.

Нумерованный экземпляръ.

3291

РОКОВОЙ ЧАСЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга, предлагаемая вниманію читателя, вышла въ Германіи на самомъ канунѣ войны, въ чаяніи и желаніи ея.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Авторъ полагаетъ, что великому долготерпѣнію Германіи, служившей до сихъ поръ оплотомъ европейскаго мира, наступилъ конецъ и что война, поэтому, вѣроятна въ самомъ близкомъ будущемъ. Исходя изъ этого, онъ считаетъ необходимымъ остановиться на основныхъ антагонизмахъ между участниками предстоящей войны и на степени военной подготовленности каждаго изъ нихъ.

Политика Англіи, этого островного государства, испоконъ вѣковъ заключалась въ томъ, чтобы не дать рядомъ съ собой возникнуть какой-нибудь новой морской державѣ, которая могла бы оспаривать у Англіи ея міровое господство. Она разбиваетъ или ослабляетъ морскую мощь Испаніи въ XVI в., Голландіи въ XVII в., Франціи въ XVIII и XIX вв. Въ

послѣднія десятилѣтія изъ морскихъ водъ поднялись и выросли новыя силы—Японія и Германія. Изъ нихъ болѣе близкій и сильный врагъ—Германія. Поэтому надо такъ или иначе положить конецъ ея угрожающему экономическому и политическому соперничеству на міровомъ рынкѣ. Но и, съ своей стороны, Германія не можетъ больше мириться съ тѣми препятствіями, которыя ставитъ ей постоянно Англія на міровыхъ путяхъ и рано или поздно должна завоевать себѣ то положеніе въ мірѣ, которое соотвѣтствовало бы ея экономическому и военному могуществу.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Съ Россіей у Германіи нѣтъ, въ сущности, прямого антагонизма. Потому-то Германія и стремилась всегда жить съ ней въ мирѣ.

Франція все еще не отказывается отъ идеи реванша, и Германіи остается лишь новыми военными побѣдами закрѣпить за собою пріобрѣтенія 1870/71 гг.

Авторъ останавливается также на возможной роли въ предстоящей войнѣ Бельгіи и Даніи, Голландіи и Швеціи, а также балканскихъ государствъ. Но характерно то, что въ своей системѣ политическихъ противорѣчій онъ совсѣмъ не нашелъ мѣста для третьяго члена тройственнаго союза—Италіи. Оно и понятно, такъ какъ пришлось бы говорить о вѣковомъ антагонизмѣ между нею и Австро-Венгріей.

Основная же мысль автора, проходящая красной нитью черезъ всѣ его сопоставленія и разсужденія, та, что въ интересахъ Германіи—начать войну немедленно, не откладывая ее ни на одинъ мѣсяцъ.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ясно, что Германіи, успѣвшей опередить своихъ противниковъ, не зачѣмъ ждать и что она должна начать войну немедленно.

Оберъ-лейтенантъ Фробеніусъ съ большимъ сожалѣніемъ говоритъ объ этой неизбѣжной войнѣ европейскихъ народовъ, которымъ слѣдовало бы жить въ мирѣ между собой. Быть можетъ, ему жаль небывалаго экономическаго разоренія, неслыханнаго культурнаго и моральнаго одичанія? Быть можетъ, онъ не мирится съ гибелью милліоновъ человѣческихъ жизней, десятковъ милліоновъ человѣческихъ существованій? Ничуть не бывало! Вмѣстѣ со своимъ проницательнымъ кайзеромъ онъ предвидитъ войну еще болѣе грандіозную—войну за обладаніе Тихимъ океаномъ между европейскими, азіатскими и американскими народами. Вотъ для какой войны—конечно, подъ гегемоніей Германіи—европейскимъ народамъ и надо было бы сохранить свои силы!...

Современное общество нашло свое подходящее милитаристское остріе въ военной кастѣ нашего времени—прускомъ юнкерствѣ. Фробеніусъ—выразитель настроеній этого класса предъ самой войной, его идеологъ. Въ наступленіи міровой войны, которую всѣ предвидѣли, но которая для всѣхъ явилась полнѣйшей неожиданностью, быть можетъ, и книжка Фробеніуса, какъ выразителя настроеній и чаяній своего класса, имѣетъ свою каплю вліянія. Въ виду этого, мы полагаемъ, что она, по своему, заслуживаетъ вниманія и нашего читателя.

Роковой часъ Германіи.

Никто не станетъ утверждать, что объединеніе германскихъ племенъ и возстановленіе германской имперіи въ 1870/71 г. вызвало въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ чувства радости. Великія державы считали равновѣсіе Европы нарушеннымъ, такъ какъ на мѣстѣ той центральной области, на которой и изъ-за которой онѣ привыкли вести борьбу между собой, выросла внушительная сила; а маленькимъ государствамъ большія державы сумѣли внушить такой страхъ предъ „хищной и завоевательной" Германіей, что онѣ и по сію пору не перестаютъ ее бояться, несмотря на періодъ 43-лѣтняго мира. А между тѣмъ, продолжительнымъ миромъ мы обязаны прежде всего именно этой новой и сильной военной имперіи; именно она, не разъ слишкомъ поступаясь своими справедливыми требованіями, служила могучимъ оплотомъ мира.

Конечно, въ теченіе этого времени не было недостатка въ поводахъ къ войнѣ. И часто тре-

бовалось все искусство такого государственнаго человѣка, какъ Бисмаркъ, чтобы во время потушить искру, грозившую европейскимъ пожаромъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Россія съ нами не связана больше никакимъ договоромъ; съ тѣхъ поръ, какъ она, въ силу своихъ интересовъ, бросилась въ объятія Франціи; съ тѣхъ поръ, какъ Англія почувствовала со стороны Германіи угрозу своему экономическому и военному міровому господству,— съ тѣхъ поръ обстоятельства складываются для Германіи настолько неблагопріятно, что наступаетъ конецъ ея долготерпѣнію и что приходится считаться съ вѣроятностью войны въ довольно близкомъ будущемъ. Разсмотримъ же, каковы, въ сущности, интересы главнѣйшихъ и, стало быть, опаснѣйшихъ противниковъ въ этой войнѣ, войнѣ, которая несомнѣнно втянетъ въ свою орбиту всю Европу.

I.

Великобританія.

Американецъ Гомеръ Леа, всѣ симпатіи котораго на сторонѣ Англіи, недавно опубликовалъ книгу „The day of the Saxon“, переведенную графомъ Е. Ревентловымъ на нѣмецкій языкъ: „Роковой часъ британской имперіи“. Въ этой книгѣ онъ изображаетъ опасности, грозящія британской міровой имперіи: военно-сухопутная мощь бритовъ настолько ослабла, ихъ подготовленность къ войнѣ такъ уменьшилась, что они уже не въ состояніи были бы защитить свои колоссальныя владѣнія. „Прежніе идеалы, подъ вліяніемъ которыхъ создана была міровая имперія, отодвинуты на второй планъ. Духъ войны уступилъ мѣсто духу коммерціи, инертному и довольствующемуся накопленіемъ такихъ вещей, которыя безполезны для національнаго и расового прогресса“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ міровая имперія, распро-

стершаяся по всему земному шару и владѣющая всѣми важными морскими стратегическими пунктами, ставитъ абсолютныя препятствія другимъ націямъ въ ихъ стремленіи къ расширенію и тѣмъ самымъ подготовляетъ неизбѣжный конфликтъ между собой и этими націями; въ частности не только съ Германіей и Японіей, которыя стремятся къ расширенію подъ вліяніемъ своихъ самыхъ насущныхъ жизненныхъ интересовъ, но и съ Россіей, которая, правда, имѣетъ еще достаточно территоріи для своего чрезвычайно быстро растущаго населенія, но не можетъ не стремиться къ Великому океану. Самымъ же опаснымъ противникомъ британской міровой имперіи Гомеръ Леа считаетъ Германію, объединеніе которой Англія, по его мнѣнію, никогда не должна была допустить. Наоборотъ, она должна была воспользоваться раздробленностью и разорванностью Европы послѣ наполеоновскихъ войнъ, чтобы укрѣпить свое господство на европейскомъ континентѣ. Къ сожалѣнію, авторъ не останавливается лишь на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ Англія могла этого достигнуть.

Дѣйствительно, съ 1870 г. Германія стала для Великобританіи опаснымъ—не противникомъ — конкурентомъ на міровомъ рынкѣ. Первую брешь въ высоко развитой промышленности Великобританіи пробилъ Альфредъ Круппъ еще въ

1851 г. на лондонской всемірной выставкѣ, когда высшему продукту англійскаго сталелитейнаго производства въ 1000 фунтовъ литой стали онъ противопоставилъ стальной слитокъ въ 2000 килограммовъ. А когда Альфредъ Круппъ на всемірной выставкѣ 1862 г. рядомъ со слиткомъ въ 40.000 фунтовъ сумѣлъ выставить еще пушки, заряжаемыя сзади, да свои исполинскія судовыя оси, то онъ разъ навсегда завоевалъ для германской желѣзодѣлательной промышленности первое мѣсто, которое такъ долго и съ такимъ упорствомъ отстаивала Англія. Наконецъ, безупречность нѣмецкихъ пушекъ, блестяще оправдавшихъ себя въ войнѣ 1870/71 г., обезпечила германскому пушечному производству повсюду на земномъ шарѣ такое положеніе, которое уже не могло быть больше поколеблено англійской промышленностью, несмотря на всѣ ея усилія. Затѣмъ по стопамъ Круппа пошли также энергичные представители другихъ отраслей промышленности; вмѣстѣ съ промышленностью распространялась также по всѣмъ областямъ земного шара и нѣмецкая торговля, пока малу-по-малу Германія не стала серьезнымъ конкурентомъ на міровомъ рынкѣ.

Пока еще только серьезнымъ, а не опаснымъ конкурентомъ, такъ какъ пока британскій флотъ безраздѣльно господствовалъ надъ всѣми путями,

океана, не трудно было въ крайнемъ случаѣ и при благопріятной возможности покончить однимъ ударомъ со всѣмъ великолѣпіемъ германскаго торговаго флота. Но положеніе должно было измѣниться, и экономическая борьба — стать опасной съ того момента, когда Германія стала строить военныя суда для защиты своей торговли и когда она отъ чисто дефенсивной охраны береговъ перешла въ концѣ концовъ къ созданію боевого флота, ставшаго весьма внушительнымъ факторомъ ея военной мощи. Слѣдовательно, политическія причины англійской вражды къ намъ лежатъ, прежде всего, въ поразительномъ весьма часто обнаруживающемся страхѣ Англіи предъ нашей морской мощью. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ основные мотивы ея политики до настоящаго времени, остановимся нѣсколько на ея историческомъ прошломъ.

Съ того времени, какъ эта страна стала играть роль въ великой исторіи морскихъ государствъ, т. е. съ того момента, когда она стала близка къ тому, чтобы самой занять среди нихъ мѣсто, ея противникомъ была всегда та страна, которая въ данный моментъ представляла сильнѣйшую морскую державу. Такъ, она постоянно боролась съ Испаніей и Португаліей, пока эти государства господствовали на морѣ; такъ, она немедленно начинаетъ борьбу съ Голландіей, какъ только по

слѣдняя, сбросивши испанское иго, завоевала себѣ господство на морѣ. Съ того же момента, когда пала морская мощь Голландіи,—не понявшей основныхъ условій своего развитія и, кромѣ того, крайне тѣснимой со стороны суши, — вниманіе Англіи привлекла Франція, выросшая морской силой подъ мудрымъ управленіемъ Кольбера. И съ Франціей Англія враждуетъ и борется до тѣхъ поръ, пока не появляется врагъ, съ ея точки зрѣнія болѣе опасный. Въ какой бы конфликтъ Франція, толкаемая честолюбивой политикой, не оказалась втянутой,—Англія всегда становилась на сторону ея противниковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы Англіи непосредственно не задѣвались. Такъ это продолжалось до тѣхъ поръ, пока на арену міровой исторіи не выступила сила, которая островному государству стала угрожать еще болѣе непосредственно, чѣмъ нашъ западный сосѣдъ.

Медленно, но неудержимо расширяла въ Азіи свои границы Россія, и Англія предусматривала моментъ, когда она должна была натолкнуться на противодѣйствіе со стороны Россіи въ своихъ собственныхъ стремленіяхъ къ расширенію дальше за предѣлы Индіи. Опасность заключалась въ томъ, что какъ разъ здѣсь было ея слабое мѣсто и что, стало быть, въ случаѣ конфликта внутри Азіи она легко могла оказаться побѣжденной. И вотъ,

надо было выждать подходящій случай, когда можно было бы нанести ударъ будущему врагу на морѣ. Этотъ случай представился, когда Россія попыталась въ войнѣ съ Турціей расширить свое вліяніе на Балканахъ. Вспыхнула крымская война, и мы вдругъ находимъ Англію въ военномъ союзѣ со своимъ доселѣшнимъ врагомъ, Франціей, противъ новаго, болѣе опаснаго врага. Казалось, что на нѣкоторое время миръ между обѣими сильнѣйшими морскими державами обезпеченъ; но не долго этотъ миръ продолжался. Если обоимъ государствамъ и не приходилось съ того времени воевать между собою, то у всѣхъ еще въ памяти та ожесточенная дипломатическая борьба между ними, которую вызвало раздѣленіе Африки и дальнѣйшее усиленіе Франціи въ Азіи и въ Средиземномъ морѣ въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Въ 1889 г. въ Англіи принято было колоссальное увеличеніе морского бюджета именно въ виду усиливавшейся морской мощи Франціи, а въ 1898 г., вслѣдствіе инцидента съ Фашодой, обѣ страны даже мобилизовали свои флоты. Но, вотъ, въ Германіи былъ принятъ первый законопроектъ о созданіи военнаго флота.

И однимъ ударомъ англійская политика мѣняетъ свой фронтъ. Если и до того времени Англія отнюдь не доброжелательно относилась къ развитію морскихъ силъ Германіи и всячески

старалась препятствовать этому развитію, гдѣ только это было возможно,—то съ этого момента начинается та дипломатическая борьба противъ насъ, съ которой мы успѣли уже свыкнуться, какъ съ неизбѣжнымъ и постояннымъ явленіемъ. Любезная улыбка, которую намъ иногда показываютъ, не должна вводить насъ въ заблужденіе; вѣдь, обычно, за ней скрывается лишь знакомая намъ вражда. Да такъ оно и должно было быть послѣ всей исторіи Британіи до настоящаго времени. Какъ только этотъ жизнеупорный и сознательный германскій народъ подъ руководствомъ дальновиднаго вождя приступилъ къ тому, чтобы создать себѣ подходящее оружіе на морѣ, такъ онъ,—согласно англійскому принципу направлять удары прежде всего противъ того, кто можетъ стать наиболѣе опаснымъ,—сталъ единственнымъ врагомъ Англіи, ея врагомъ вообще. Но прошу меня правильно понять—врагомъ до тѣхъ поръ, пока онъ строитъ флотъ; съ разрушеніемъ же этого флота исчезаетъ всякій поводъ къ враждѣ. Вмѣстѣ съ флотомъ германская торговля лишается, очевидно, безусловно необходимой защиты, а съ уничтоженіемъ торговаго флота Германія будетъ вытѣснена изъ міроваго рынка и будетъ до такой степени обезсилена, что понадобится много продолжительныхъ и тяжелыхъ усилій, чтобы хотя отчасти возсоздать свое прежнее положеніе.

Правда, Гомеръ Леа того мнѣнія, что британскую міровую имперію можно спасти лишь уничтоженіемъ Германіи, и, соотвѣтственно съ этимъ, военное соотношеніе обоихъ государствъ имѣетъ двоякое значеніе. „Съ Россіей британецъ можетъ воевать только на сушѣ; съ Японіей—только на морѣ; съ Германіей же борьбу надо вести и на сушѣ, и на водѣ. Сложность и тяжесть этой борьбы будетъ соотвѣтствовать силамъ обоихъ государствъ и пущеннымъ ими въ борьбу средствамъ; она будетъ въ два раза больше борьбы англорусской или англо-японской... Въ случаѣ уничтоженія германскаго флота британскимъ, единственнымъ результатомъ будетъ то самое положеніе, которое было до войны, при которомъ Соединенному королевству не нужно будетъ бояться непосредственной опасности. Но эта побѣда Англіи не уничтожила бы германской мощи разъ навсегда и не убила бы ея потенціальныхъ возможностей міровыхъ завоеваній; стало быть, по существу, положеніе осталось бы тѣмъ же, что и до войны“. Ибо „главную свою роль флотъ англійскій можетъ сыграть лишь въ войнѣ съ какой либо островной націей. Въ наступательной же войнѣ противъ Германіи онъ остается на второмъ планѣ. Британскій флотъ имѣетъ одну только задачу: сохранить господство на морѣ. Онъ долженъ придерживаться оборонительной тактики отъ начала

до конца. И только армія имѣетъ силу и способна рѣшить войну и создать условія такого міра, который продлилъ бы существованіе міровой имперіи“. Такимъ образомъ, авторъ исходитъ изъ того положенія, что будущее величіе Германіи существенно зависитъ отъ уничтоженія британскаго мірового владычества и что Германія сможетъ воздвигнуть свою собственную міровую мощь лишь на развалинахъ этого владычества. Поэтому онъ и заявляетъ, что первая обязанность Англіи заключается въ уничтоженіи германской мощи.

На основаніи этихъ соображеній Гомеръ Леа находитъ необходимымъ, чтобы Англія ввела всеобщую воинскую повинность и не только въ Соединенномъ королевствѣ, но и въ своихъ колоніяхъ, и создала бы такимъ образомъ превосходную силу во всякой сухопутной войнѣ. Какъ извѣстно, въ послѣднее время стремленія этого рода проявлялись въ Англіи неоднократно и при поддержкѣ вліятельныхъ лицъ, не встрѣчая противодѣйствія со стороны націи. Но, вѣдь, всеобщая воинская повинность глубоко противорѣчитъ укоренившимся въ Англіи представленіямъ о личной свободѣ, а также обычной ея тактикѣ, ловко примѣняемой и такъ счастливо до сихъ поръ оправдавшей себя: пользоваться на сушѣ военными силами другихъ—союзныхъ—націй и извлекать от-

сюда двоякую выгоду. Во-первыхъ, она этимъ путемъ избавляетъ себя отъ необходимости самой защищать страну; во-вторыхъ, удобнѣйшимъ способомъ ослабляются силы союзниковъ. Ибо она никогда не забываетъ, что сегодняшній союзникъ можетъ завтра стать противникомъ, съ которымъ надо будетъ вести борьбу. И не должна-ли была бы Англія примѣнить эту тактику также по отношенію къ Германіи?

Впрочемъ, объ этомъ дальше! Прежде всего, мы бросимъ бѣглый взглядъ на британскія мѣропріятія, направленныя къ сохраненію постояннаго господства надъ океаномъ, т. е. служащія какъ торговлѣ островнаго государства, такъ и его военной подготовленности. Съ поразительной проницательностью Англія издавна умѣла находить и присваивать себѣ во всѣхъ частяхъ океана такія мѣстности, которыя господствуютъ надъ важнѣйшими морскими путями. Она закрываетъ доступъ къ Средиземному морю посредствомъ Гибралтара, обрываетъ связь между западной и восточной частями моря посредствомъ Мальты и обезпечиваетъ себѣ входъ въ Суэзскій каналъ посредствомъ Кипра. Суэзскій каналъ всецѣло въ ея рукахъ, благодаря Египту. И такимъ образомъ, она господствуетъ надъ кратчайшимъ воднымъ путемъ въ Индію, къ Индійскому и Тихому океанамъ. Но она съумѣла так-

же обезпечить свое вліяніе и на болѣе далекій путь вокругъ Африки, благодаря острову св. Елены, а также своимъ африканскимъ колоніямъ, между тѣмъ, какъ выходъ изъ Краснаго моря въ Бабъ-эль-мандебскій проливъ закрытъ, благодаря острову Периму. Далѣе, путь къ Великому океану ведетъ черезъ Малакскій проливъ, а между тѣмъ, здѣсь еще недавно построенъ былъ британскій военный портъ въ Сингапурѣ. Желѣзнодорожное строительство должно было дать европейскимъ державамъ возможность освободиться отъ морскихъ путей, надъ которыми господствуетъ Англія. И Россіи удалось связать себя съ Великомъ океаномъ посредствомъ сибирской желѣзной дороги.

Германія же начала строить анатолійскую и багдадскую желѣзныя дороги; но Англія сумѣла вскорѣ затѣмъ вырвать изъ рукъ Турціи важный конечный пунктъ Ковейтъ и тѣмъ увеличила препятствія, которыя она, благодаря острову Бараину и Расъ-Джаску, уже и безъ того могла ставить выходу изъ Персидскаго залива. Только одинъ морской путь — недавно сооруженный — избѣгъ британскаго вліянія: Панамскій каналъ, соединяющій Караибское или, если угодно, Американское Средиземное море съ Великимъ океаномъ; благодаря этому, абсолютному господству Великобританіи на морѣ нанесенъ, наконецъ, чувствительный

ударъ. Отнынѣ придется Англiи мириться съ тѣмъ, что это господство будетъ раздѣлено—пока только въ Тихомъ океанѣ—между нею и другими нацiями, обладающими сильными флотами. Однако, дѣлить господство ей придется лишь съ сосѣдними тамъ государствами — Японiей и Сѣверной Америкой, имѣющими свои опорные пункты, также съ Францiей, которая сумѣла уберечь отъ англичанъ кое-какiе остатки своихъ заокеанскихъ владѣнiй въ Передней Индiи и даже расширить свое господство въ Мадагаскарѣ и заиндiйскихъ областяхъ. Съ Японiей, Сѣверной Америкой, Францiей,—но только не съ Германiей, которая на далекомъ пути отъ своихъ африканскихъ владѣнiй до Великаго океана не имѣетъ ни единаго убѣжища.

И дѣло не только въ томъ, что судоходство нуждается въ свободныхъ морскихъ путяхъ. Какъ извѣстно, парусное судоходство вытѣснено паровымъ: въ военномъ флотѣ—полностью, а въ торговомъ—въ большей части. Но подобно тому, какъ каждый успѣхъ человѣчества достается лишь съ жертвами, такъ и въ судоходствѣ важныя преимущества парового двигателя были куплены за счетъ абсолютной свободы дѣйствiя на морѣ: оно находится теперь въ полной зависимости отъ запасовъ топлива для паровыхъ котловъ. А такъ какъ военное судно отягощено,

при этомъ, своей броней, артиллеріей и амуниціей, то даже самое большое боевое судно можетъ везти съ собой лишь ограниченные запасы топлива и въ соотвѣтствіи съ этимъ ограничено также время нахожденія судна въ пути при опредѣленной скорости хода. Черезъ извѣстные промежутки времени судно должно принять новые запасы топлива. И если оно лишено возможности дѣлать эти запасы, то оно столь же безсильно продолжать свой путь, какъ и локомотивъ, у котораго изсякъ запасъ угля и воды.

Поэтому, съ введеніемъ пароходства всѣ морскія націи должны были обзавестись угольными станціями, расположенными въ извѣстномъ отдаленіи одна отъ другой. Для устройства этихъ станцій всего удобнѣе, конечно, острова или такіе пункты на морскихъ берегахъ, гдѣ возможна достаточная охрана при пріемкѣ угля. Для устройства этихъ станцій необходимо также право собственности на острова или соотвѣтствующую прибрежную территорію. И вотъ здѣсь-то Великобританія дала себя Германіи почувствовать. Чтобы затормазить прежде всего ея экономическую борьбу и создать ей тяжелыя препятствія въ будущей и рѣшительной морской войнѣ, Англія сумѣла пресѣчь въ корнѣ всѣ попытки Германіи пріобрѣсти себѣ опорные пункты или, по крайней мѣрѣ, угольныя станціи на берегахъ міроваго океана. Она

подозрительно слѣдила за всѣми движеніями и начинаніями германскихъ пароходовъ, чтобы, въ случаѣ хотя бы отдаленной возможности или только намѣренія пріобрѣсти какой-либо подходящій для угольныхъ складовъ пунктъ, тотчасъ же помѣшать этому либо путемъ дипломатическимъ, либо же прямыми угрозами. Еще у всѣхъ въ памяти споръ изъ-за Марокко, когда Францiя готова была уступить Германіи извѣстныя области, но поддержана была Англіей, заставившей насъ отказаться отъ всякихъ притязаній на какія-либо владѣнія въ Марокко.

Въ виду подобнаго отношенія нашихъ кузеновъ по той сторонѣ канала, германскій торговый и военный флотъ вынужденъ дѣлать свои угольные запасы на станціяхъ другихъ націй, главнымъ образомъ—англійскихъ. Не говоря уже о томъ, что за гостепріимство, оказанное нашимъ судамъ, намъ диктуются какія угодно цѣны и что вся выгода достается заграницѣ,—гдѣ, спрашивается, мы, въ случаѣ войны, найдемъ на всемъ земномъ шарѣ тѣ дружественныя націи, которыя позволятъ намъ снабдить у себя топливомъ наши корабли? Англійскіе и французскіе порты будутъ закрыты для насъ безусловно. А будутъ-ли намъ доступны колоніи второстепенныхъ европейскихъ государствъ вопреки угрозамъ Великобританіи,—болѣе чѣмъ сомнительно. Вотъ, въ этомъ-то

весьма важномъ отношеніи намъ необходима свобода дѣйствій, но именно здѣсь Англія воздвигла предъ нами желѣзную преграду. Эту преграду мы рано или поздно должны опрокинуть; рано или поздно, но мы безусловно должны разорвать оковы, нестерпимыя въ мирное время и крайне опасныя въ случаѣ войны. Только для этого намъ нѣтъ необходимости уничтожить британское міровое господство, какъ предполагаетъ Гомеръ Леа. Потребности Германіи легко удовлетворить изъ чрезмѣрнаго излишка великобританскихъ владѣній. Но похоже на то, что Англія и въ будущемъ желаетъ вести борьбу за исключительное господство на морѣ. И, придерживаясь своего принципа—вести борьбу прежде всего съ тѣмъ противникомъ, который можетъ стать опаснѣе всѣхъ другихъ,—Англія должна была бы обратиться прежде всего къ Японіи, которая грозитъ стать слишкомъ сильнымъ противникомъ на Тихомъ океанѣ. Но для этого Англія должна была бы пустить въ ходъ всѣ свои морскія силы, а это представляется ей опаснымъ, въ виду сильнаго германскаго военнаго флота. Вотъ почему предъ Англіей возникаетъ задача разрушить сначала своего теперешняго противника и пріобрѣсти вмѣстѣ съ тѣмъ полную свободу дѣйствій въ Тихомъ океанѣ. А для этого достаточно лишь разбить и разрушить германскій флотъ, а не уничтожить

германскую имперію, какъ полагаетъ Гомеръ Леа.

Другое важное орудіе борьбы Великобританія создала себѣ, благодаря кабельной сѣти, посредствомъ которой она соединила всѣ части свѣта между собою и Соединенное королевство со всѣмъ земнымъ шаромъ. Какъ для экономической, такъ и для морской войны, имѣетъ колоссальное значеніе правильно дѣйствующее телеграфное сообщеніе. Оно даетъ возможность сосредоточивать руководство, использовать всякую выгоду положенія, предупреждать всякую опасность и готовить противнику, лишенному возможности пользоваться этимъ способомъ сообщенія, самыя тяжелыя неожиданности. Пока Англіи принадлежало исключительное господство надъ всей кабельной сѣтью, она могла, по желанію, не допустить другія націи къ пользованію ею и этимъ поставить ихъ въ положеніе абсолютной глухоты и слѣпоты относительно всего того, что происходило въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, и, съ другой стороны, для себя одной сохранить возможность всевѣдѣнія и, стало быть, всѣ выгоды инициативы. Правда, опасности эти были учтены, и недавно другія націи проложили для себя отдѣльные кабели, посредствомъ которыхъ можно сообщаться съ заокеанскими странами независимо отъ англійской сѣти, по крайней мѣрѣ, въ нѣ-

которыхъ поясахъ. Однако, эта отчасти отъ Англіи независимая сѣть еще недостаточно развита.

Изобрѣтеніе безпроволочнаго телеграфа освободило, наконецъ, отъ необходимости пользоваться непремѣнно кабельной сѣтью. Понятенъ, поэтому, величайшій интересъ, съ которымъ Англія слѣдила за дальнѣйшимъ развитіемъ безпроволочнаго телеграфированія. Она сумѣла добиться того, что общество Маркони перенесло свое мѣстопребываніе въ Англію. Она всѣми силами стремилась къ тому, чтобы гарантировать себѣ извѣстную монополію и въ этой области, чтобы и съ этимъ средствомъ сообщенія господствовать надъ міромъ. Благодаря нѣмецкой наукѣ, это ей не удалось. Мы усовершенствовали аппараты Маркони и въ извѣстной степени возмѣстили себѣ недостатокъ кабельной сѣти. Правда—до сихъ поръ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, т. е. поскольку до сихъ поръ наши аппараты въ состояніи преодолѣвать разстояніе и поскольку мы обладаемъ станціями для дальнѣйшей передачи сообщеній. Огромное значеніе имѣетъ, поэтому, тотъ фактъ, что императоръ былъ недавно въ состояніи обмѣняться телеграммами съ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на нашихъ аппаратахъ.

Само собой понятно и всѣмъ извѣстно, что въ предвидѣніи серьезной борьбы съ Германіей Англія

во время озаботилась о привлеченіи на свою сторону могущественныхъ союзниковъ. Кромѣ Россіи и Франціи, въ борьбѣ будутъ участвовать и второстепенныя государства, какъ Бельгія, Данія, балканскія государства и т. д., хотя нельзя еще точно сказать, каково именно будетъ ихъ участіе. Такъ какъ Англіи придется имѣть дѣло не съ одной только Германіей, но и съ ея союзницами, то соотвѣтственно съ этимъ должны быть распредѣлены роли между тремя великими державами какъ это теперь и замѣчается. Великобританія старается скрыть свои истинныя намѣренія и стремится усыпить нѣмецкаго Михеля, но становится въ оппозицію противъ Италіи. Неограниченному господству Англіи на Средиземномъ морѣ угрожаетъ нанести ущербъ все усиливающійся флотъ Италіи, а, главное, оккупація турецкихъ островов въ Эгейскомъ морѣ, все еще продолжающаяся со времени турецко-итальянской войны. Повидимому, Порта сама довольна этимъ положеніемъ вещей и медлитъ, поэтому, совершенно очистить Триполисъ отъ своихъ офицеровъ, такъ какъ Италія имѣетъ право до тѣхъ поръ удерживать за собой острова, пока въ Триполисѣ остаются турецкіе солдаты. А Турція предпочитаетъ оставлять острова въ рукахъ Италіи, чѣмъ допустить на нихъ посягательство со стороны другихъ государствъ. Когда же сэръ Грей выска-

зался въ томъ смыслѣ, что положеніе въ Европѣ надо считать ненормальнымъ, пока эти острова находятся во владѣніи какой-либо великой державы, то въ Италіи съ неудовольствіемъ почувствовали давленіе англійскаго министра. Тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ онъ обнаруживалъ желаніе оставить въ распоряженіи грековъ занятыя ими части Албаніи, тогда какъ греки, выставившіе въ спорныхъ областяхъ „священные батальоны", ясно показали, что они, дѣйствительно, не прочь оставить за собой эти области.

* *
*

Взгляду Гомера Леа, согласно которому Великобританія должна уничтожить Германію для сохраненія своего міроваго господства, т. е. тому взгляду, что Англія должна не только парализовать торговлю Германіи, но и разбить ея сухопутныя силы, я противопоставилъ тотъ взглядъ, что Англія отнюдь не заинтересована въ томъ, чтобы уничтожить нашу мощь на сушѣ. Ибо это противорѣчило бы всей ея традиціонной политикѣ. Англія всегда заинтересована въ существованіи большой сухопутной силы на европейскомъ континентѣ. Это необходимо ей для того, чтобы въ случаѣ необходимости, отвлечь

вниманіе опаснаго соперника на морѣ и направить его на сухопутную войну. Таковъ лейтмотивъ той политической игры, которую Англія искони и до сихъ поръ ведетъ съ континентальными державами. Приведемъ примѣръ. Вначалѣ войны за австрійское наслѣдство Франція была самымъ опаснымъ соперникомъ Англіи на міровомъ океанѣ, такъ какъ она настолько увеличила свои колоніальныя владѣнія, что внушала Англіи серьезныя опасенія. Самой же большой сухопутной силой была Австрія. Поэтому, именно ей Англія оказала помощь въ ея борьбѣ противъ союзницы Франціи—Пруссіи. Когда Англія въ 1755 г. начала непосредственную борьбу съ морскими силами Франціи, Австрія была уже на сторонѣ послѣдней и вмѣстѣ съ нею стремилась къ окончательному уничтоженію Фридриха Великаго, и тогда Англія стала на сторону прусскаго короля, съ которымъ она еще совсѣмъ недавно воевала. Когда же она достигла своей цѣли, прогнала въ 1758 г. французскія суда изъ Восточной Индіи и завоевала французскія владѣнія на Сенегалѣ, взяла въ 1760 г. Монтреаль и тѣмъ самымъ окончательно вырвала у французовъ Канаду и настолько ослабила ихъ морскую мощь, что могла свободно развернуть свои силы въ Западной Индіи, ограничиваясь въ европейскихъ водахъ лишь одной блокадой; когда стало быть

цвѣтущая мощь Франціи была уничтожена во всѣхъ частяхъ свѣта, — тогда она совершенно неожиданно отняла помощь у своего прусскаго союзника. Отвлекши вниманіе Франціи съ арены военно-морскихъ дѣйствій, Пруссія свое дѣло сдѣлала. А дальше она сама ужъ должна была справляться со своимъ врагомъ, такъ какъ Англія не имѣла необходимости въ дальнѣйшемъ ослабленіи Франціи. Эту внезапную перемѣну Англіи приводили въ связь съ уходомъ Питта, какъ будто его дружба съ Фридрихомъ опредѣляла отношеніе Великобританіи къ Пруссіи. Но нельзя же приписывать англійскому государственному дѣятелю такія сентиментальности!

Въ настоящее время Австрія не въ состояніи больше играть ту роль противъ Франціи, которую Англія ей раньше указала. За то новая сила выросла въ лицѣ Россіи. Создать ей противовѣсъ возможно лишь въ лицѣ какой-либо крупной военной державы. Для этой роли Франція не подходитъ, такъ какъ послѣ пораженія Германіи она, какъ вторая въ Европѣ морская и колоніальная держава, вступила бы въ прежнее соперничество съ Англіей. Противовѣсомъ Россіи можетъ, слѣдовательно, служить только Германія. Боевая общность Англіи съ Россіей противъ Германіи, казалось бы, противорѣчитъ реальнымъ интересамъ этихъ государствъ; но Англія всѣми силами,

стремится къ тому, чтобы сломить экономическую мощь Германіи.

Слѣдовательно, Англія не заинтересована въ томъ, чтобы уничтожить сухопутную мощь Германіи. Напротивъ, военная задача Англіи можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы уничтожить флотъ Германіи, сохранивши, по возможности, ея армію.

Спрашивается, однако, хватитъ-ли на это хотя бы превосходныхъ силъ, но одного только англійскаго военнаго флота? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ обратимся къ одному британскому писателю, признанному спеціалисту и учителю морской стратегіи, Корбету; въ своемъ произведеніи „Нѣкоторые принципы стратегіи морской войны" *) онъ выставилъ основныя положенія морской стратегіи, выведенныя изъ опыта морскихъ войнъ и получившія общее признаніе. По мнѣнію Корбета, вся военно-морская исторія показываетъ, что если изъ двухъ флотовъ одинъ ставитъ себѣ задачей уничтоженіе другого, то борьба между ними можетъ завязаться лишь въ томъ случаѣ, когда этого желаютъ оба враждующихъ флота. Рѣшительный и открытый бой можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда оба флота не будутъ его избѣгать; состоится онъ лишь при томъ условіи, если обѣ сто-

*) J. S. Corbett, „Some Principles of Maritime Strategy", London, 1911

роны расчитываютъ на успѣхъ, т. е. когда силы ихъ хотя приблизительно равны. Если же силы не равны, то опытъ показываетъ, что слабѣйшая сторона затягиваетъ войну, а—поскольку она не можетъ не отдать дани своему активному темпераменту—ея стремленія сводятся къ тому, чтобы постепенно въ небольшихъ стычкахъ ослабить противника и настолько уменьшить его силы, чтобы отважиться на рѣшительный бой съ нимъ.

Такая тактика, какъ Корбетъ показываетъ, всегда ставитъ сильнѣйшую сторону въ затруднительное положеніе. Каждый день, на который рѣшеніе откладывается, стóитъ очень большихъ денегъ, а въ наше время—требуетъ и большихъ количествъ угля, запасаться которымъ всегда очень трудно и неудобно. Каждый день можетъ принести какія-либо непріятныя неожиданности. Поэтому сильнѣйшій противникъ будетъ всячески стремиться къ тому, чтобы рѣшительное сраженіе состоялось какъ можно скорѣе. Добиться этого онъ можетъ только двумя способами: либо онъ попытается силою, подъ огнемъ береговыхъ укрѣпленій уничтожить препятствія, которыми заградилъ себя слабѣйшій противникъ въ своемъ убѣжищѣ и проникнуть въ портъ, куда спрятался послѣдній (однако, на это рѣдко хватаетъ смѣлости), либо же онъ постарается вытолкать своего болѣе слабаго противника изъ его убѣжища. По-

слѣднее же при хорошо устроенныхъ военныхъ портахъ нельзя сдѣлать со стороны моря. Остается тогда пустить въ ходъ сухопутныя военныя силы, которыя для этой цѣли должны быть высажены на берегъ и снабжены необходимыми тяжелыми орудіями, дабы ускореннымъ натискомъ занять такія позиціи надъ портомъ, съ которыхъ возможно было бы успѣшно обстрѣливать непріятельскій флотъ, стоящій въ порту на якоряхъ, заставить его сняться, выйти въ открытое море и принять рѣшительное сраженіе. Примѣромъ такой тактики можетъ служить способъ дѣйствій американцевъ при Санъ-Яго де Куба и—японцевъ при Портъ-Артурѣ. Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію, что британскій военный флотъ безусловно нуждается въ поддержкѣ сильной сухопутной арміи.

И вотъ вопросъ, можетъ-ли Англія въ предстоящемъ конфликтѣ съ Германіей расчитывать на такую поддержку со стороны своихъ теперешнихъ континентальныхъ союзниковъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ утвердительно едва-ли возможно, такъ какъ уже съ этого пункта расходятся интересы союзниковъ.

. . . .

Слѣдовательно, для осуществленія своей военной задачи—уничтоженія германскаго флота—Англіи, худо-ли, хорошо-ли, придется употребить свои собственныя силы, и мы не ошибемся, если скажемъ, что британскій экспедиціонный отрядъ въ 150,000 человѣкъ имѣетъ назначеніе поддержать, въ качествѣ десантной арміи, дѣйствія флота.

На дальнѣйшій вопросъ о томъ, каковы будутъ дѣйствія этого дессанта, и, въ частности, въ какой мѣрѣ онъ приметъ участіе въ операціяхъ союзныхъ армій и, стало быть, ихъ поддержитъ, можно также получить отвѣтъ изъ военной англійской литературы. Соотвѣтствующія основныя положенія англійскихъ морскихъ стратеговъ таковы:

„Несомнѣнно слѣдующее: держава, господствующая на морѣ, имѣетъ полную свободу дѣйствій и можетъ извлечь изъ войны столько, сколько сама пожелаетъ, тогда какъ державы, которыя сильны только на сушѣ, зачасто должны испытывать сильнѣйшія затрудненія".

„Если задача войны неограничена, т. е. если противникъ долженъ быть уничтоженъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, и выставилъ, поэтому, всѣ свои силы, то ясно, что задача эта будетъ рѣшена только тогда, когда всѣ эти силы будутъ совершенно уничтожены. Но это, очевидно невозможно, и плоха была бы

политика, искавшая рѣшенія этой задачи въ военномъ столкновеніи, т. е. не слѣдовало втягиваться въ такую войну. Если же задача войны ограничена, то незачѣмъ стремиться къ уничтоженію всѣхъ военныхъ силъ непріятеля".

„Когда же мы обращаемся къ опыту, продѣланному Англіей въ континентальныхъ войнахъ, то мы видимъ, что почти каждый разъ, когда возникаетъ вопросъ о сухопутной войнѣ, участіе въ такой войнѣ встрѣчаетъ сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны народа, словно она противорѣчитъ англійскому національному инстинкту".

Три эти цитаты даютъ намъ полное представленіе о томъ, какъ англичане смотрятъ на войны континентальныхъ державъ и каково то участіе, которое они привыкли принимать въ этихъ войнахъ. Съ начала XVII столѣтія Англія почти всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства, необходимыя для обезпеченія морского господства или, по меньшей мѣрѣ, преобладанія на морѣ,—того положенія, которое Корбетъ называетъ „спорнымъ морскимъ господствомъ". Почти всегда эта счастливая страна имѣла возможность вмѣшиваться въ европейскія войны лишь въ той мѣрѣ, въ какой она сама находила нужнымъ, и извлекать изъ войны столько, „сколько она сама желала".

А чего она въ этихъ войнахъ желала, видно изъ нашей второй цитаты. Корбетъ—почитатель нашего стратега Клаузевитца и, при различеніи военныхъ задачъ на неограниченныя и ограниченныя, основывается на его ученіи. Клаузевитцъ говоритъ объ этомъ слѣдующее. „Двоякое значеніе войны состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ, когда задача неограничена, преслѣдуется цѣль уничтоженія противника—политическаго-ли уничтоженія, или только военнаго — и принужденія его заключить миръ на самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ; во второмъ же случаѣ, когда задача ограничена, имѣются въ виду лишь нѣкоторыя завоеванія на границахъ государства, съ цѣлью окончательнаго-ли укрѣпленія за собой этихъ завоеваній или же выгоднаго обмѣна при заключеніи мира“. Въ первомъ случаѣ требуется напряженіе всѣхъ народныхъ силъ; во второмъ случаѣ въ этомъ нѣтъ необходимости. Поучительный примѣръ войны съ ограниченной цѣлью даетъ самъ Клаузевитцъ въ одной своей запискѣ отъ 1830/31 г., содержащей планъ войны съ Франціей. Условія отнюдь не таковы, чтобы поставить себѣ задачу полнаго и окончательнаго пораженія этого государства и, въ виду этого, предложеніе нашего стратега сводится къ тому, чтобы военную задачу составило завоеваніе Бельгіи. „Эта страна, ограниченная по размѣрамъ, но богатая природ-

ными источниками, окружена Голландіей и Германіей; поэтому ее нетрудно удержать за собой, такъ какъ оккупировавшая ее армія не будетъ находиться въ положеніи отряда, забравшагося далеко въ непріятельскую область... Французы же могутъ какъ угодно засѣсть въ Бельгіи,—при своихъ условіяхъ они въ Бельгіи все же будутъ слабѣе, чѣмъ въ своей собственной странѣ. Если завладѣгь рѣкою Маасъ, то завоеваніе Бельгіи можно тогда считать по существу совершившимся фактомъ... Мы, слѣдовательно, того мнѣнія, что если союзники могутъ добиться какой-либо побѣды,—а стремленіе побѣдить предполагается при всякой наступательной войнѣ,—то она скорѣе всего можетъ выразиться въ завоеваніи Бельгіи, но что такой результатъ побѣды былъ бы наименѣе обезпеченнымъ.“

Если мы обратимся къ исторіи Англіи, то увидимъ, что она временами, правда, до крайности напрягала отдѣльныя части своихъ оборонительныхъ средствъ—флотъ и финансы,—но что ей никогда не приходилось испытывать то крайнее напряженіе всѣхъ народныхъ силъ, когда въ дѣйствующую армію призывается каждый мужчина, способный носить оружіе,—какъ, напримѣръ, въ Германіи 1813 г. или Франціи 1870 г. Англія сумѣла этого избѣжать, такъ какъ она—блестящая иллюстрація къ ученію Клаузевитца—никогда не

ставила себѣ неограниченной цѣли полнаго уничтоженія противника. Если не считать колоніальныхъ войнъ, она никогда не стремилась къ полному завоеванію чьей-либо страны. Она всегда ставила себѣ ограниченныя задачи и стремилась добиться ихъ осуществленія собственными силами. Задачами этими были: отнятіе отдѣльныхъ заокеанскихъ владѣній, уничтоженіе непріятельскихъ военно-морскихъ силъ или пріобрѣтеніе какихъ-либо торговыхъ преимуществъ. Отчасти это объясняется очень мудрой политикой, отчасти же — тѣми основными настроеніями народа, на которыя указываетъ Корбетъ. Британскій народъ не видитъ смысла и не питаетъ никакихъ симпатій къ сухопутной войнѣ, призывающей къ оружію огромную массу сыновъ народа и отрывающей ихъ отъ семьи и домашняго очага. Конечно, война съ ограниченной цѣлью для Англіи—легко при этомъ превращалась въ войну съ неограниченными цѣлями и послѣдствіями для ея союзниковъ. Для примѣра опять укажемъ лишь на войны Фридриха Великаго.

Слѣдовательно, Англія ведетъ лишь такія войны, цѣль и задача которыхъ заранѣе ограничена. Отсюда можно сдѣлать нѣкоторые выводы относительно будущей тактики сухопутной ея арміи. Коекакія указанія на этотъ счетъ мы опять-таки находимъ у Корбета. Онъ говоритъ:

„Одно изъ двухъ: либо экспедиціонный отрядъ долженъ быть органически включенъ въ армію той страны, которая ведетъ войну съ неограниченной цѣлью, безъ какихъ-либо спеціальныхъ задачъ для этого отряда въ отдѣльности; либо же десантному корпусу должна быть указана опредѣленная территоріальная область дѣйствія, при независимыхъ отъ союзной арміи руководствѣ и организаціи, но съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности“.

„Но та тактика, которую можно было бы назвать британской или морской, на самомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, что мы ведемъ войну съ ограниченной цѣлью, оказываемъ нашимъ союзникамъ содѣйствіе въ болѣе крупныхъ операціяхъ въ то самое время, когда они ведутъ войну съ неограниченными цѣлями. Большей частью отъ насъ до сихъ поръ зависѣло примѣнять именно такой способъ веденія войны, такъ какъ при нашемъ господствѣ на морѣ мы всегда въ состояніи выбрать себѣ театръ военныхъ дѣйствій съ ограниченнымъ кругомъ дѣятельности“. Въ этихъ словахъ дана исчерпывающая харак-

теристика англійскаго способа веденія войны. Авторъ ничуть не сомнѣвается въ томъ, что континентальные союзники должны будутъ вести войну съ неограниченными цѣлями. А съ другой стороны, онъ считаетъ типичнымъ для Великобританіи, британскимъ, въ собственномъ смыслѣ слова, то, что экспедиціонный отрядъ будетъ, по возможности, избѣгать такой формы войны. И, поэтому, участія этого отряда, какъ органической части союзной арміи нашихъ противниковъ, мы можемъ ожидать лишь въ томъ случаѣ, когда Британіи фактически не останется никакихъ другихъ средствъ для достиженія своей сепаратной отъ союзниковъ цѣли.

Въ какомъ видѣ Корбетъ представляетъ себѣ этотъ способъ веденія войны, намъ показываетъ военная исторія, которая убѣдительнѣе всякихъ стратегическихъ анализовъ и соображеній.

Со времени войны за испанское наслѣдство, въ которой Мальборо со своими британскими частями продвинулся далеко вглубь южной Германіи, дабы, соединившись съ императорской арміей, дать кровавый и рѣшительный бой арміи Людовика XIV,—никогда больше англійское войско не проникало вглубь континента, если на лицо было хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ полной безопасности. Высадившись на континентѣ, британскіе отряды держались въ предѣлахъ Голландіи или

не уходили дальше Ганновера, какъ въ войнахъ Фридриха Великаго, стало быть, совсѣмъ близко отъ берега моря, и придерживались при этомъ тактики затягиванія, всячески избѣгая рѣшительныхъ сраженій. Можно-ли забыть слабую тактику герцога Кумберлэндскаго, для которой столь характерны Фонтенуа 1745 г., Лафельдъ 1747 г., Гастенбэкъ 1757 г. и, наконецъ, капитуляція монастыря Цевена?

Во время испанской войны противъ Наполеона, въ которой англичанамъ пришлось замѣнить несчастнаго Моора болѣе удачливымъ лордомъ Вольслеемъ, мы наблюдаемъ все ту же тактику: пока противникъ не обезсиленъ окончательно, англичане осторожно и тщательнѣйшимъ образомъ соблюдаютъ связь съ моремъ. Когда же эта связь гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ случайно обрывалась, то англичане немедленно ее возстанавливали въ другомъ. Одинъ единственный разъ мы видимъ англійское войско участвующимъ въ рѣшительномъ сраженіи—при Ватерлоо. Но Веллингтонъ находился здѣсь въ довольно безвыходномъ положеніи, такъ какъ пораженіе союзныхъ континентальныхъ армій грозило страшной и чрезвычайно нежелательной затяжкой войны.

Слѣдовательно, на всемъ протяженіи военной исторіи мы наблюдаемъ безусловное стремленіе сохранить

связь съ базой, т. е. въ данномъ случаѣ, для британцевъ—съ морскимъ берегомъ, поскольку на этомъ берегу находятся порты, годные для ввода и стоянки судовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ также упорное желаніе избѣгать рѣшительнаго боя вплоть до того момента, когда уклониться отъ него уже нѣтъ возможности; при этомъ избѣгаютъ также слишкомъ близкаго и тѣснаго участія въ операціяхъ союзныхъ армій. Такова „та тактика, которую можно было бы назвать британской или морской", въ собственномъ смыслѣ слова.

Исходя изъ этого, мы можемъ представить себѣ вѣроятную тактику Великобританіи въ случаѣ конфликта съ Германіей.

Всего желательнѣе была бы для Англіи совершенно независимая дѣятельность ея десантныхъ войскъ. И если только степень подготовленности и количество союзныхъ армій дастъ ей абсолютную увѣренность въ томъ, что арміи ея союзниковъ сами справятся съ нашими войсками, то она на самомъ дѣлѣ и обезпечитъ своимъ десантамъ независимый образъ дѣйствій выборомъ соотвѣтствующаго военнаго театра. Если же у нея этой увѣренности не будетъ, и самостоятельная дѣятельность ея экспедиціонной ар-

міи окажется подъ вопросомъ, то этой арміи придется сначала принимать участіе въ крупныхъ операціяхъ союзныхъ войскъ, какъ ихъ органической части. Въ этомъ случаѣ британскія части высадятся въ Бельгіи—внѣ соприкосновенія съ германскими войсками—и, присоединившись къ французской арміи, составятъ продолженіе ея лѣваго фланга.

Невольно вспоминается при этомъ то противодѣйствіе, которое встрѣтилъ въ англійской печати планъ Голландіи замѣнить старыя укрѣпленія Флиссингена новыми. Заново построенная крѣпость должна была отвѣчать всѣмъ требованіямъ современнаго порта, защищать портъ отъ вторженія непріятельскихъ судовъ, а также препятствовать проходу судовъ черезъ Шельду въ Антверпенъ. Казалось бы, какъ суверенное государство, Голландія имѣла несомнѣнное право приспособить свой важнѣйшій портъ (кромѣ Флиссингена Голландія имѣетъ еще только одинъ портъ—Гельдеръ) для охраны своего собственнаго флота, тѣмъ болѣе, что переустройство крѣпости вызывалось также соображеніями нейтралитета, который Голландія обязана, вѣдь, охранять. Несмотря на это, французская и бельгійская печать въ союзѣ съ англійской объявила походъ этому плану, выступила противъ него съ различными надуманными и неосновательными соображе-

ніями, дабы правительство почувствовало себя вынужденнымъ отказаться отъ своего плана.

Весь этотъ походъ обнаруживалъ, однако, то, что въ случаѣ конфликта съ Германіей, Англія имѣетъ намѣреніе высадить свой экспедиціонный корпусъ въ Антверпенѣ и тамъ присоединить его къ французскимъ силамъ. Но, хотя Флиссингенъ со своими новыми укрѣпленіями,—пока онѣ состоятъ изъ одной только броневой стѣны на правомъ берегу,—не въ состояніи оказать продолжительнаго сопротивленія, тѣмъ не менѣе онъ можетъ сильно помѣшать приближенію къ Антверпену большого транспортнаго флота съ британскими частями и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замедлить высадку въ Антверпенѣ. Между тѣмъ, все зависитъ именно отъ быстроты десантныхъ операцій. Ибо, при задержкѣ, помощь англичанъ можетъ придти слишкомъ поздно и оказаться довольно безполезной.

Предположимъ, однако, что британскому экспедиціонному корпусу удалось тѣмъ или другимъ путемъ соединиться съ французскимъ лѣвымъ флангомъ и даже своевременно принять участіе въ его операціяхъ. Предположимъ также, что союзники добились первыхъ большихъ успѣховъ надъ нашими арміями и что послѣднія имѣютъ достаточно дѣла съ одними только французскими силами. Тогда начнется второе дѣйствіе британ-

скихъ частей: онѣ постараются освободиться отъ нежелательной „неограниченной“ формы веденія войны и работать въ дальнѣйшемъ самостоятельно, т. е. выберутъ себѣ „ограниченный территоріальный кругъ дѣйствія“. Соотвѣтственно же военной цѣли Великобританіи, этимъ кругомъ дѣйствій можетъ быть только германское сѣверное побережье, въ портахъ котораго,—согласно нашимъ предпосылкамъ,—найдетъ себѣ временное убѣжище германскій флотъ, какъ слабѣйшій изъ двухъ воюющихъ флотовъ. Тѣмъ временемъ британскій флотъ расположится въ ожиданіи германскихъ судовъ, которыхъ выгонятъ ему на встрѣчу для полнаго уничтоженія орудія англійскихъ десантныхъ частей, нападающихъ на наши береговыя укрѣпленія. Точь въ точь такъ, какъ это было съ Портъ-Артуромъ.

Трудно сказать, сколько на это потребуется времени. Именно примѣръ Портъ-Артура показываетъ, что и времени, и человѣческихъ жизней требуется очень много на выполненіе такой задачи. Во всякомъ случаѣ, нельзя осуществить ее однимъ мановеніемъ руки. И, поэтому, не исключена возможность, что коммуникаціонная линія между осаждающей англійской арміей и французскими или бельгійскими портами будетъ серьезно разстроена дѣйствіями германскихъ военныхъ силъ. Однако, англичане, какъ выше уже

упомянуто, обладаютъ счастливой способностью мѣнять свою коммуникаціонную линію, когда это требуется. Отличнымъ примѣромъ тому служитъ испанскій походъ Англіи противъ Наполеона въ 1808/09 гг. Наполеонъ изъ Мадрида побѣдоносно направился противъ британской арміи, находившейся въ Португаліи. Англійскій корпусъ подъ командой сэра Джона Моора обошелъ Наполеона (который предполагалъ, что этотъ корпусъ отступаетъ), и съ Дуэро сталъ угрожать его коммуникаціонной линіи. Но когда Наполеонъ обратился противъ него и, въ свою очередь, разорвалъ его линію сообщенія, опиравщуюся на Лиссабонъ, то Мооръ, преслѣдуемый французскимъ маршаломъ Сультомъ, отступилъ къ сѣверо-востоку, гдѣ тѣмъ временемъ у Коруны высадился британскій адмиралъ Бэрдъ. И, хотя суда здѣсь поздно пришли, и Мооръ вынужденъ былъ еще дать сраженіе предъ стѣнами города, въ которомъ онъ самъ былъ убитъ, однако, посадка англійской арміи на суда все же удалась, и весь корпусъ благополучно вернулся въ Англію.

Какъ бы то ни было, на случай войны съ Германіей Англія хорошо подготовилась. Она съумѣла обезпечить себя еще второй коммуникаціонной линіей тѣмъ, что способствовала переустройству очень маленькаго до того порта Эсбьерга, на за-

падномъ берегу Ютландіи. Эсбьергъ находится на разстояніи 28 километровъ отъ германско-датской границы и имѣлъ до настоящаго времени небольшой портовый бассейнъ около 15,7 гектаровъ поверхности и отъ 3,8 до 6 метровъ глубины. Входъ въ гавань былъ вездѣ свыше 7,5 метровъ глубины, но былъ загражденъ песочнымъ барьеромъ, въ которомъ была вычерпана колея для прохода судовъ. Всѣхъ этихъ условій было, конечно, совершенно достаточно для сношенія судовъ, снабжающихъ Англію масломъ и яйцами. Но, вотъ, портовый бассейнъ сначала увеличили до 40,5 гектаровъ, затѣмъ устроили молъ протяженіемъ въ 2800 метровъ, охватывающій водную поверхность въ 80 гектаровъ, а глубина подъ всей этой поверхностью должна быть постепенно доведена до 8 метровъ. Очевидно, что такое чрезмѣрное расширеніе и развитіе портовыхъ сооруженій расчитано отнюдь не на одинъ лишь вывозъ масла и яицъ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что, въ случаѣ войны, Данія будетъ на сторонѣ нашихъ противниковъ. Это находитъ себѣ подтвержденіе также во всѣхъ новыхъ предпріятіяхъ королевства по усиленію обороны страны. Съ одной стороны, увеличиваются и усиливаются морскія укрѣпленія Копенгагена, при чемъ главнымъ образомъ, имѣется въ виду возможность закрытія фарвате-

ровъ въ южномъ направленіи, т. е. противъ германскихъ водъ. А съ другой стороны, пренебрегаютъ сухопутными укрѣпленіями на сѣверѣ страны, повидимому, даже совсѣмъ отъ нихъ отказываются. Но еще знаменательнѣе новыя укрѣпленія Большого Бельта. На флангѣ его расположенъ широкій бассейнъ между островами Зеландъ, Фальстеръ, Лаландъ и Лангеландъ, всѣ выходы изъ котораго закрыты теперь новыми укрѣпленіями. Благодаря извилистымъ берегамъ островов, этотъ бассейнъ, прекрасно защищенный, имѣетъ множество потайныхъ угловъ, допускающихъ внезапное нападеніе, какъ на кильскую бухту и Феймарнскій Бельтъ такъ и на выходъ изъ Оерэнзунда. Если же изъ всего этого все еще неясно назначеніе этого укрѣпленнаго морского бассейна, то недоумѣнія окончательно разъясняются словами министра Неергаарда: назначеніе бассейна состоитъ въ томъ, чтобы „на многихъ путяхъ установить связь съ морскимъ театромъ военныхъ дѣйствій и тѣмъ открыть возможность нападенія на непріятельскій флотъ".

Итакъ, если опорной базой для перваго дѣйствія англійской десантной арміи — участія въ войнѣ съ неограниченной цѣлью—избрана Бельгія, то сильную опорную базу для второго дѣйствія—войны съ задачей ограниченной—должна дать Данія. Задача же эта состоитъ въ нападеніи

на германскія портовыя территоріи и уничтоженіи нашего флота и при исполненіи этой задачи Данія имѣетъ служить базой для развертыванія британскихъ сухопутныхъ частей *).

* *
*

Слѣдовательно, Англія, согласно Корбету, предоставитъ своимъ союзникамъ задачу всецѣло отвлечь на себя вниманіе германскихъ сухопутныхъ силъ или, во всякомъ случаѣ, занять ихъ настолько, чтобы британскимъ частямъ на ихъ ограниченномъ театрѣ военныхъ операцій могли быть противопоставлены лишь незначительные отряды, а сама она тѣмъ временемъ, въ лицѣ своего экспедиціоннаго корпуса, сосредоточится на достиженіи единственной своей цѣли—уничтоженіи нашего флота.

Однако, возникаетъ сомнѣніе въ томъ, согласятся-ли союзники Англіи съ такимъ распредѣленіемъ задачъ, въ которомъ англійскимъ десантнымъ войскамъ будетъ поставлена эта узко очер-

*) Надо имѣть въ виду, что ближайшій англійскій портъ Ярмутъ находится отъ устья Эльбы на разстояніи, въ три съ половиной раза большемъ, чѣмъ Эсбьергъ, и что послѣдніи былъ бы, поэтому, очень удобнымъ опорнымъ пунктомъ для англійскаго флота.

ченная задача. Сомнѣніе это усиливается, если обратиться къ произведенію одного—правда, анонимнаго — офицера французскаго генеральнаго штаба. По основнымъ пунктамъ интересующаго насъ вопроса онъ высказывается слѣдующимъ образомъ *):

1. Цѣль десанта: „Что касается стратегическихъ точекъ зрѣнія, то онѣ устанавливаются въ зависимости отъ общей военной ситуаціи. Возможно, что понадобится поспѣшить на помощь французамъ противъ германскихъ армій, вторгающихся во Францію или, быть можетъ, въ помощи англійскихъ десантовъ будутъ нуждаться русскіе, которыхъ германцы и австрійцы будутъ тѣснить одновременно на Вислѣ и на Днѣстрѣ".

„Пробуждается чувство недовольства; народъ начинаетъ волноваться; солдаты, быть можетъ, угнетены... Все это, вмѣстѣ взятое, постепенно подрываетъ вѣру въ себя у всѣхъ участниковъ... На сцену появятся новые союзники, датчане или голландцы,—смотря по тому, какое создастся положеніе"...

2. Мѣсто высадки. Коротко говоря: гдѣ-нибудь. Всего больше автору нравятся устья

*) „Вторженіе англичанъ въ Германію". Изд. „Политика", Берлинъ, 1912.

Эмса или Вислы. Но онъ считаетъ подходящими и другіе пункты на побережьй Балтійскаго моря (не исключаетъ онъ и датской территоріи).

3. Способъ высадки. Введеніе въ заблужденіе на счетъ предполагаемыхъ пунктовъ высадки и неожиданность раскрытія этихъ пунктовъ по завершеніи десантныхъ операцій.

Разумѣется, нѣтъ основанія полагать, что французскій генеральный штабъ раздѣляетъ эти указанія и совѣты одного изъ своихъ офицеровъ на счетъ употребленія англійскаго экспедиціоннаго корпуса. Но они, во всякомъ случаѣ, даютъ представленіе объ идеяхъ, занимающихъ круги, близкіе къ генеральному штабу нашего западнаго сосѣда, о томъ, чего они ожидаютъ отъ своего британскаго союзника. Англійскій экспедиціонный корпусъ во Франціи охотнѣе всего разсматривали бы, какъ вспомогательный отрядъ. Этотъ отрядъ не оперируетъ самостоятельно подъ англійскимъ руководствомъ и для осуществленія англійскаго плана, а имѣетъ назначеніе оказывать поддержку то здѣсь, то тамъ, смотря по ходу войны, либо выручать французовъ во Франціи, либо—русскихъ на Вислѣ или Днѣстрѣ. При этомъ предполагается, что англійскій флотъ ужъ собственными силами справится съ германскимъ безъ поддержки сухопутныхъ войскъ.

И эта точка зрѣнія была уже однажды выражена, когда зашла рѣчь объ обѣщаніи, данномъ Франціи англійскимъ правительствомъ, выставить, въ случаѣ войны съ Германіей, вспомогательную армію. Эту армію представляли себѣ лишь, какъ органическую часть французскихъ войскъ, безъ самостоятельнаго ея примѣненія въ цѣляхъ особыхъ англійскихъ задачъ. Во Франціи держались, повидимому, того взгляда, что Великобританія самоотверженно отдастъ свои военныя силы Франціи для защиты исключительно французскихъ интересовъ. Но объ этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи относительно государства, которое никогда еще не подчиняло своихъ интересовъ—интересамъ другихъ государствъ или націй и которое, напротивъ, само очень часто умѣло использовать военныя силы другихъ государствъ для осуществленія своихъ собственныхъ цѣлей и интересовъ.

Слѣдовательно, уже по вопросу о назначеніи англійскихъ десантовъ замѣчается большое различіе интересовъ между Англіей и ея союзниками. А разница въ интересахъ проявляется въ томъ, что и желанія союзниковъ далеко не совпадаютъ: Великобританія должна стремиться къ тому, чтобы уничтожить нашъ флотъ; усилія же Франціи и Россіи должны быть направлены на то, чтобы, наоборотъ, уничтожить нашу сухопут-

ную армію, но сохранить при этомъ флотъ, какъ факторъ, который въ будущемъ можно было бы выставить противъ черезчуръ усилившейся островной имперіи.

Интересно также отмѣтить, что, судя по выдержкамъ изъ вышеупомянутаго произведенія французскаго офицера, во Франціи опредѣленно расчитываютъ на помощь Даніи и даже Голландіи, но осторожно умалчиваютъ о Бельгіи. Если нейтральныя государства не удастся привлечь на свою сторону до начала войны, то на ихъ союзничество можно расчитывать съ момента появленія англійской десантной арміи на германскомъ побережьи, что къ тому же должно, по мнѣнію автора, деморализующе подѣйствовать на наши собственныя войска, хотя онъ же предполагаетъ, что англійская десантная армія будетъ связана операціями германскихъ оборонительныхъ войскъ и должна будетъ, поэтому, ограничиться чисто дефенсивной или оборонительной тактикой. Но, вѣдь, англичане не пойдутъ на то, чтобы ихъ десантная армія была подобнымъ образомъ связана въ своихъ дѣйствіяхъ.

Англія должна была бы задуматься по поводу тѣхъ сказочныхъ размѣровъ, которые принимаютъ вооруженія у обоихъ ея союзниковъ. Если она стремится къ тому, чтобы во что бы то ни стало уничтожить германскій флотъ; если она, слѣдуя

совѣту Корбета, намѣрена ограничить военную задачу своего экспедиціоннаго корпуса; если задача этого корпуса будетъ состоять въ томъ, чтобы выгнать наши военныя суда изъ германскихъ портовъ навстрѣчу пушкамъ ея англійскаго флота;—то не въ ея интересахъ быстрый ходъ и окончаніе войны; такъ какъ для осуществленія поставленной себѣ задачи ей, очевидно, потребуется очень много времени.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Быть можетъ, Англія, въ виду этого, настроится по отношенію къ намъ нѣсколько дружественнѣе. Быть можетъ, она подумаетъ и о томъ, что нападеніе и уничтоженіе нашихъ военнаго и торговаго флотовъ очень больно и съ большими потерями отразится на собственной странѣ и на ея собственныхъ флотахъ. Германія—лучшій покупатель Великобританіи; Англія, въ свою очередь, во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ нашей промышленности. Англійскихъ торговыхъ судовъ на океанѣ больше, чѣмъ нашихъ, и уничтожены они могутъ быть германскими крейсерами не хуже, чѣмъ наши торговыя суда англійскими. Вѣдь, Англія не сможетъ въ достаточной мѣрѣ

защитить свои торговыя суда на всѣхъ далекихъ моряхъ, разъ она для достиженія своей цѣли должна будетъ сосредоточить главныя свои военно-морскія силы въ европейскихъ водахъ. Наконецъ, островная монархія до такой степени зависитъ отъ постояннаго ввоза средствъ существованія, что блокада ея береговъ въ теченіе довольно короткаго времени вызвала бы форменный голодъ и создала бы вмѣстѣ съ тѣмъ очень тяжелое общее положеніе. Доказательствомъ служитъ стачка портовыхъ рабочихъ, когда, вслѣдствіе забастовки, прекратился ввозъ припасовъ въ столицу изъ портовъ, и населеніе столицы было обречено на голодъ. Стало быть, положеніе Англіи, защищающее ее отъ вторженія крупныхъ непріятельскихъ армій, имѣетъ и отрицательныя стороны, съ которыми приходится считаться. Пока островная монархія была единственной владычицей морей, эти отрицательныя стороны не давали себя чувствовать, и она могла позволить себѣ роскошь пренебречь собственной сельско-хозяйственной культурой, получать средства пропитанія изъ-заграницы и переложить центръ тяжести въ сферу развитія промышленности. Но эти времена прошли навсегда. Англія не можетъ скрыть отъ себя, что она уже теперь вынуждена дѣлить свое морское господство съ другими націями. И это не измѣнилось бы и въ томъ случаѣ, еслибы ей удалось

уничтожить наши флоты, такъ какъ повсюду изъ воды подымаются флоты, и поспѣвать за всѣми націями въ ихъ неудержимомъ стремленіи къ морской мощи не подъ силу даже богатому Альбіону. Тѣмъ менѣе, что успѣхъ зависитъ здѣсь не только отъ большихъ денежныхъ суммъ, но и отъ человѣческаго матеріала. На вновь сооружаемыхъ могучихъ боевыхъ судахъ личный составъ играетъ все бо́льшую и бо́льшую роль и долженъ быть все многолюднѣе, иначе эти суда и не могутъ быть пущены въ дѣло. О расходахъ на флоты, вообще о ростѣ морскихъ бюджетовъ недавно еще докладывалъ статсъ-секретарь фонъ-Тирпицъ. За послѣднія пять лѣтъ расходы на морскія вооруженія увеличились въ Англіи на 100, а въ Германіи только на 30 милліоновъ рублей. Но мы отстаемъ не только отъ Великобританіи, но и отъ обоихъ ея союзниковъ, такъ какъ Франція увеличила свои расходы на тѣ же нужды на 60 милліоновъ рублей.

. . . .

. . . .

Вѣдь, британцамъ слѣдовало бы надъ этимъ призадуматься. А что касается второго пункта, снабженія флота достаточнымъ количествомъ хорошо обученныхъ людей, то ни для кого не секретъ, какъ трудна эта задача поспѣвать съ выучкой соотвѣтствующаго персонала—матросовъ

и, особенно, техниковъ и офицеровъ—даже при умѣренномъ увеличеніи количества боевыхъ судовъ. И мы отлично знаемъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи очутилась въ этомъ отношеніи именно Великобританія.

Говорили, что мистеръ Чёрчилль предложилъ Германіи пріостановить на одинъ годъ военное судостроительство. Этому не трудно повѣрить. Подкладка этого предложенія ясна: Англіи необходимо выиграть годъ для образованія флотскаго персонала, съ которымъ она совершенно не поспѣваетъ за ростомъ своего флота. Недурная мысль сама по себѣ. Работы на своихъ верфяхъ Англія имѣетъ болѣе, чѣмъ достаточно, такъ какъ она выполняетъ заказы другихъ государствъ; опасаться послѣдствій отъ пріостановки своего судостроительства ей также не приходится, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ она безъ дальнихъ околичностей включитъ въ свой флотъ суда, построенныя по заказамъ другихъ государствъ. Но глупый Михель на эту удочку не поддался, по той простой причинѣ, что онъ не зналъ бы, какъ быть со своими доковыми рабочими въ теченіи цѣлаго года бездѣятельности на верфяхъ. Зато предложеніе Черчилля заставило нашихъ парламентаріевъ относиться къ нашимъ кузенамъ по той сторонѣ канала съ бо́льшей осторожностью—скажемъ: осторожностью, такъ какъ слово „недовѣ-

ріе“ у насъ теперь въ загонѣ. Не лишнее также вспомнить, что въ февралѣ 1870 г. Англія, по просьбѣ Франціи, обратилась къ прусскому правительству съ запросомъ, не согласится-ли оно въ интересахъ европейскаго мира на одновременное въ обоихъ государствахъ уменьшеніе контигентовъ армій. И такое предложеніе было сдѣлано непосредственно предъ началомъ войны съ Франціей, о виновникахъ которой (войны) мнѣ распространяться не приходится.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что въ настоящее время Англія имѣетъ всѣ основанія не начинать противъ насъ войны. Говорятъ о томъ, что отношенія между обоими государствами стали какъ будто менѣе натянутыми, что замѣчается даже нѣкоторое сближеніе между ними. Мало-по-малу беретъ верхъ убѣжденіе, что по многимъ вопросамъ оба государства могли бы работать, если не всегда вмѣстѣ, то рядомъ, что ихъ интересы часто соприкасаются. А, вѣдь, какъ откликнешься, такъ и аукнется: смягченный тонъ на одной сторонѣ вызываетъ болѣе дружелюбное отношеніе съ другой... Но мы не должны забывать, что никто иной, какъ Англія, вызвалъ къ жизни эту враждебную намъ и столь противоестественную коалицію, — противоестественную въ основѣ, такъ какъ она не имѣетъ общности интересовъ. И никто больше Англіи не

виноватъ въ томъ, что насъ оставляютъ и послѣдніе наши друзья. Не слѣдуетъ полагаться на наше кровное родство съ Англіей, ибо для нея оно не имѣетъ никакого значенія; и не надо думать, что Англію удержитъ отъ нападенія на насъ хотя бы то, что мы никогда между собой не воевали. Да и странно было бы Англіи воевать противъ насъ, пока мы не имѣли смѣлости построить флотъ для охраны нашихъ береговъ и нашей пышно расцвѣтающей торговли. А, вотъ, тотъ фактъ, что мы себѣ этотъ флотъ построили—вотъ что́ мѣняетъ въ корнѣ всѣ отношенія! И если теперь Англія должна, поэтому, дѣйствовать менѣе круто или даже вынуждена соблюдать большую осторожность, то мы не должны забывать, что она воспользуется первой благопріятной возможностью, чтобы неожиданно напасть на насъ и бросить въ насъ объявленіемъ войны одновременно съ первой гранатой въ наши побережные города. Пусть сама она настроена миролюбиво. Но союзники ея, принесшіе такія огромныя жертвы на вооруженія, имѣютъ, повидимому, весьма мало склонности и на этотъ разъ довольствоваться ничѣмъ, особенно же Франція, которая стонетъ подъ своимъ военнымъ бременемъ. Если союзники сочтутъ, что рѣшительный моментъ наступилъ, то Англія отстать не сможетъ.

II.

Россія.

Нашъ восточный сосѣдъ не имѣетъ, собственно говоря, причинъ питать вражду противъ Германіи. Въ Россіи постоянно ссылаются на поведеніе Германіи, на ея вѣроломство во время Берлинскаго конгресса въ 1878 г. и этимъ настраиваютъ противъ нея русское общественное мнѣніе. Но мы, съ своей стороны, имѣемъ всѣ основанія опираться на то изложеніе хода дѣлъ на этомъ конгрессѣ, которое далъ намъ въ своихъ мемуарахъ Бисмаркъ.

На запросъ со стороны Россіи, останется-ли Германія нейтральной, если между Россіей и Австріей произойдетъ война, Бисмаркъ, вынужденный дать ясный отвѣтъ, послалъ въ октябрѣ 1876 г. слѣдующую инструкцію нашему дипломатическому представителю въ Россіи: „Основное наше желаніе—сохранить миръ между обѣими большими монархіями, которыя, воюя между собой, должны будутъ больше отдать революціи, чѣмъ возьмутъ

другъ у друга. Но если, къ нашему великому огорченію, сохранить миръ между Россіей и Австріей невозможно, то мы могли бы еще потерпѣть, чтобы онѣ другъ друга побѣждали или другъ другу наносили пораженія, но никакъ не допустили бы, чтобы одинъ изъ обоихъ нашихъ друзей былъ такъ тяжело раненъ или понесъ такой большой уронъ, что положеніе его, какъ независимой и великой державы въ европейскомъ концертѣ, было бы поколеблено.“ (II томъ, стр. 214).

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Съ начала восемнадцатаго столѣтія Россія стремится раздвинуть свои границы въ совершенно опредѣленныхъ направленіяхъ. Самымъ главнымъ

импульсомъ служитъ при этомъ осознанная необходимость выйти къ открытому морю. Какъ ни велика была имперія, уже тогда простиравшаяся отъ Днѣпра до Берингова моря и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до сѣверо-западныхъ береговъ Каспійскаго моря,—морское сообщеніе все же невозможно было, такъ какъ сѣверные берега океана обложены льдомъ, а Каспійское море не имѣетъ выхода. Надо было продвинуться на сѣверозападъ, вытѣснить шведовъ и пріобрѣсти Балтійское море; надо было продвинуться также на западъ и оторвать отъ Польши Мало—и Бѣлороссію. На югѣ вниманіе привлекало Черное, а на юго-востокѣ предстояло закрѣпить за собой Каспійское море и Кавказъ, и намѣчался путь черезъ Туранъ въ Индію. Наконецъ, на дальнемъ востокѣ поставлена была задача пріобрѣсти подходящую полосу территоріи на берегу Тихаго океана.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Судя по той рѣшимости и храбрости, съ какой преслѣдовались въ продолженіи цѣлыхъ двухсотъ лѣтъ планы, задуманные еще въ семнадцатомъ столѣтіи, представляется совершенно невозможнымъ, чтобы Россія добровольно отъ нихъ отказалась. До настоящаго времени русскіе никогда не останавливались и не знали колебаній. Они шли безостановочно, не теряя надежды послѣ пораженія, самообладанія — послѣ побѣды, не глядя на разореніе и смерть, которыя несли съ собой ихъ войны, со взоромъ, фиксированнымъ на тѣхъ далекихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ цѣляхъ, которыя они намѣтили себѣ разъ навсегда“.

Намъ необходимо прослѣдить лишь ходъ завоеваній въ сторону сѣверо-запада, запада и юга. На западѣ русскіе послѣ раздѣла Польши продвинулись вплоть до Прута и перешли Вислу. На сѣверо-западѣ они завоевали Прибалтійскій край и вытѣснили шведовъ изъ Финляндіи. На югѣ они овладѣли всѣмъ побережьемъ Чернаго моря отъ устья Дуная до Закавказья. Но всѣмъ этимъ цѣль все еще не достигнута. Балтійское море соединено съ океаномъ лишь узкими и не безопасными фарватерами, которые къ тому же не трудно закрыть совершенно.

Сельское хозяйство Россіи развилось за послѣдніе годы до такой степени, что вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ за 1895—1911 г.г.

увеличился вдвое (до 1,365 милліоновъ рублей); спросъ на сельскохозяйственныя машины поднялся на 119 милліоновъ рублей. Такую же поразительно благопріятную картину даетъ и развитіе промышленности; несмотря на постоянный ростъ промышленныхъ предпріятій, потребности населенія все же не могутъ быть удовлетворены собственными силами страны. Особенно благопріятно сложились финансовыя условія государства съ тѣхъ поръ, какъ бумажныя деньги (послѣ войны 1877/78 г.) были выведены изъ употребленія и введена была золотая валюта и былъ, сверхъ того, реорганизованъ Государственный банкъ. Не смотря на японскую войну и вызванные ею расходы, золотой запасъ банка удалось сохранить въ такой мѣрѣ, что въ октябрѣ 1905 года онъ составлялъ около 1,200 милліоновъ рублей. Приблизительно столько же онъ составлялъ въ 1908 г. и поднялся до 1,650 милліоновъ рублей въ 1912 г.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

III.

Францiя.

Должно обратить на себя вниманiе то обстоятельство, что Гомеръ Леа въ своемъ произведенiи „The day of the Saxon“ Францiи совершенно не касается. Это извѣстнымъ образомъ унижаетъ Францiю, такъ какъ ее, повидимому, не считаютъ конкурентомъ британской имперiи. Для англичанъ она потеряла свое значенiе на морѣ съ XVIII столѣтiя, когда Англiи удалось разбить ея флоты и оторвать ея большiя цвѣтущiя колонiи. Съ того времени Францiя опять успѣла прiобрѣсти довольно обширныя владѣнiя въ другихъ частяхъ свѣта, но ея прежняго противника, Великобританiю, это не очень безпокоитъ, такъ какъ онъ сохраняетъ съ тѣхъ поръ извѣстное превосходство. Недаромъ Францiя, уступая давленiю Великобританiи, должна была отказаться отъ своихъ притязанiй на Египетъ и намѣренiя прiобрѣсти колонiальную область отъ Сенегамбiи до Краснаго

моря (Абиссиніи) поперекъ всей Африки и отказаться въ тотъ самый моментъ, когда она полагала, что, обладая Фашодой, добилась контакта со своими восточными африканскими владѣніями. Это былъ единственный случай, когда колоніальная политика Франціи столкнулась съ интересами британской міровой имперіи, и Англія все же не остановилась предъ тѣмъ, чтобы тотчасъ же не вмѣшаться и пустить въ ходъ грубую силу.

Хотя такой образъ дѣйствія Англіи въ 1898 г. и вызвалъ во Франціи глубочайшее недовольство, но идея реванша, лелѣемая съ 1871 года, заставила забыть это недовольство весьма скоро, особенно, когда Англія поддержала своего недавняго противника въ вопросѣ о Марокко. Какова же причина этой ненависти противъ германской имперіи и жажды мщенія, предъ которой всѣ другіе вопросы во Франціи отступаютъ на задній планъ? Французы сводятъ ее къ вѣковому спору галловъ съ германцами за обладаніе благословенными берегами Рейна. Чтобы оправдать грабежъ Людовика XIV, оторвавшаго отъ Германіи Эльзасъ и Лотарингію, они составили себѣ весьма странное представленіе о ходѣ соотвѣтствующихъ историческихъ событій и придерживаются его такъ упорно, что не только они сами, но и эльзасъ-лотарингцы насквозь пропитаны этимъ представленіемъ. А сводится оно къ тому, что еще со

времени Карла Великаго—котораго они почему-то считаютъ французскимъ государемъ—Эльзасъ и Лотарингія были-де вѣчнымъ яблокомъ раздора между государями и народами и никакъ не могли придти въ себя и зажить нормально, пока, наконецъ, надъ ними не сжалился король Людовикъ XIV и не включилъ ихъ въ свою имперію подъ сѣнь мира и культуры. Не говоря уже о томъ, что этому представленію противорѣчитъ весь ходъ историческихъ событій,—трудно было бы отрицать, что населеніе Эльзаса и Лотарингіи чисто германскаго и отнюдь не галльскаго происхожденія было и есть таковымъ до настоящаго дня.

. . . .

. . . .

. . . .

Но пораженія 1870/71 г., закончившіяся возвращеніемъ этихъ провинцій въ составъ германской имперіи, нанесли французской націи смертельную и несмываемую обиду, чувствительнѣйшимъ образомъ задѣли ея тщеславіе. Такова дѣйствительная причина ея неискоренимой ненависти. То, что Англія уничтожила ея морскую мощь, что она потеряла свои колоніи,—съ этимъ Франція могла примириться, ибо утѣшеніемъ служило оставшееся за нею превосходство на сушѣ. Созданная Людовикомъ XIV, она достигла

крайняго предѣла своего могущества при Наполеонѣ I и съ тѣхъ поръ „великая нація" чувствовала себя носителемъ культуры и господствующей силой въ Европѣ. Когда же она, окончательно зарвавшись, натолкнулась при Наполеонѣ III на совершенно неожиданное противодѣйствіе Германіи, когда эта послѣдняя, служившая до тѣхъ поръ посмѣшищемъ за свою раздробленность, безкультурность и варварство, вдругъ поднялась, какъ одинъ человѣкъ, крѣпкая и сплоченная, и сумѣла стать руководящимъ въ Европѣ государствомъ не только на полѣ сраженія, но и въ торговлѣ и промышленности, въ искусствѣ и наукѣ,—тогда французская нація была разоблачена, слабость ея обнаружена, тщеславіе ея задѣто глубочайшимъ образомъ.

Фанатическое стремленіе отвоевать обратно Эльзасъ и Лотарингію до извѣстной степени объясняется также военными способностями населенія этихъ провинцій. Потомки древнихъ германцевъ, отличавшихся своей храбростью, они сохранили военныя наклонности и давали французской арміи многихъ ея лучшихъ солдатъ и самыхъ славныхъ ея генераловъ. При регрессѣ населенія во Франціи, два милліона эльзасъ-лотарингцевъ несомнѣнно имѣютъ значеніе, и недостатокъ офицеровъ, вѣроятно, также былъ бы до извѣстной степени устраненъ, еслибы эльзасъ-лотарингцы

снова получили доступъ во французскую армію.

Хотя враждебное настроеніе во Франціи къ намъ временами замѣтно ослабѣваетъ — въ сущности, это настроеніе господствуетъ далеко не во всей Франціи и не одинаково сильно среди всего населенія, — тѣмъ не менѣе французское правительство, къ какой бы оно ни принадлежало партіи, всегда стремилось усовершенствовать и развить оборонительныя силы страны. Задача была при этомъ двоякая: созданіе сильной оборонительной линіи на границѣ, обнажившейся послѣ потери рейнскихъ провинцій, и арміи, которая, по силѣ своей, всегда оставалась бы равной германской арміи.

Во исполненіе первой задачи вдоль всей восточной границы государства была сооружена длиннѣйшая цѣпь укрѣпленій.

На германской границѣ, длиною въ 250 километровъ, на Маасѣ и Мозелѣ, были построены четыре сильныхъ крѣпости, служащія крайними опорными пунктами для двухъ линій укрѣпленій: Верденъ-Туль и Эпиналь-Бельфоръ, и прикрывающія ворота Верденъ-Лонгви (50 километровъ) и Туль-Эпиналь (70 километровъ). Сначала, когда боялись, что германская армія успѣетъ быстрѣе мобилизоваться, эти укрѣпленія имѣли назначеніе задержать наше вторженіе въ страну; теперь,

когда появилась надежда, что французская мобилизація опередитъ германскую, этимъ крѣпостямъ отводится уже роль базы для наступательной войны. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ крѣпости Верденъ-Туль лежатъ на кантѣ возвышенности Котъ-де-Меза, склоны которой круты и которая занимаетъ господствующее положеніе надъ предлежащей равниной, то онѣ даютъ чрезвычайно благопріятную позицію для оборонительной арміи, и наша задача была бы, прежде всего, въ томъ, чтобы преодолѣть сопротивленіе этихъ крѣпостей. Когда къ союзу Германіи съ Австро-Венгріей присоединилась Италія, надо было подумать и о томъ, чтобы получше укрѣпить также альпійскую границу между Франціей и Италіей. Такимъ образомъ, и здѣсь была создана линія сильнѣйшихъ укрѣпленій, господствующихъ, какъ надъ идущими черезъ горы путями, такъ и надъ боковыми дорогами. Наконецъ, надо было также считаться съ возможностью нарушенія Германіей нейтралитета Бельгіи и Швейцаріи и вторженія германскихъ войскъ черезъ эти государства. Стало быть, и на этихъ границахъ надо было привести въ соотвѣтствующее состояніе старыя укрѣпленія и улучшить ихъ, по мѣрѣ необходимости. Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи своей восточной границы въ 1,000 километровъ Франція создала броневую стѣну укрѣпленій, дѣлающую невозмож-

нымъ внезапное вторженіе непріятельской арміи въ страну. Въ будущей войнѣ уже нельзя будетъ, какъ въ 1870 г., пройти мимо этихъ крѣпостей, не обращая на нихъ вниманіе, а придется такъ или иначе съ ними раздѣлываться.

Сооруженіе этихъ укрѣпленій и поддержаніе ихъ на уровнѣ прогрессирующей оборонительной техники настоящаго времени требовало очень большихъ денегъ, но ихъ всегда охотно давали, и потому эту задачу осуществить было не трудно. Гораздо сложнѣе было дѣло со второй задачей: создать такую армію, которая, по силѣ своей, всегда оставалась бы на одной высотѣ съ германской. Ибо здѣсь однѣми деньгами и даже очень большими деньгами ничего нельзя сдѣлать; здѣсь необходимъ прежде всего человѣческій матеріалъ. А его-то Франція имѣетъ не такъ много, какъ денегъ. Отъ Германіи она отставала въ этомъ отношеніи еще въ семидесятыхъ годахъ. При территоріяхъ почти равной величины Франція имѣла населенія (въ метрополіи), напримѣръ, въ 1875 г. лишь 36,9 милліоновъ, тогда какъ Германія имѣла 42,7 милліоновъ населенія. А съ тѣхъ поръ населеніе Франціи увеличилось лишь до 39,7 милліоновъ, т. е. на 7,6%, населеніе же Германіи— до 67,5 милліоновъ, т. е. на 58%. Слѣдствіемъ этого было то, что при ежегодномъ наборѣ рекрутовъ Франція не могла идти въ ногу съ Гер-

маніей, хотя она и понижала требованія относительно физической годности новобранцевъ. Волей-неволей она вынуждена была, прежде всего, уменьшить составъ корпусовъ, дабы не уменьшить ихъ количество, а затѣмъ — принимать на службу, хотя бы внутри страны, элементы, которые не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ въ физическомъ отношеніи.

Разъ численно уменьшился рекрутскій наборъ, то понизиться должно было и число запасныхъ, призываемыхъ мобилизаціей въ дѣйствующую армію. Еслибы въ Германіи столь же строго проводили принципъ всеобщей воинской повинности, какъ во Франціи, то германская армія очень скоро значительно обогнала бы французскую числомъ запасныхъ обученныхъ войскъ. Но такъ какъ наборъ рекрутовъ въ Германіи увеличивается не въ такой мѣрѣ, какъ ея населеніе, то количественное соотношеніе обѣихъ армій остается почти одинаковымъ. Сохраненіе этого равновѣсія дало бы Франціи возможность достигнуть хотя бы временнаго преобладанія, еслибы только удалось поднять численность арміи выше арміи ея восточнаго сосѣда. Но число обученныхъ запасныхъ зависитъ отъ количества рекрутовъ, а послѣднее отъ количества населенія, и, стало быть, такимъ путемъ невозможно было достичь преобладанія надъ германской арміей. Въ виду этого,

обратились къ другому средству: увеличили срокъ службы съ двухъ лѣтъ до трехъ, и это, во-первыхъ, сразу увеличило постоянную армію, по крайней мѣрѣ, на 200,000 человѣкъ, во-вторыхъ, дало лучше и основательнѣе обученный составъ арміи, чѣмъ это было возможно въ Германіи.

Послѣ введенія трехлѣтняго срока военной службы французская постоянная армія составляетъ (считая 80,000 солдатъ вспомогательной службы, 24,000 жандармеріи и 31,300 человѣкъ колоніальнаго корпуса) 768,000 человѣкъ, тогда какъ наша армія насчитываетъ лишь 619,000 человѣкъ. И даже если принять во вниманіе послѣднее наше большое количественное усиленіе, приблизившее насъ къ всеобщей воинской повинности, то и тогда французы имѣютъ небольшое преобладаніе, такъ какъ подъ знаменами у насъ стоятъ всего лишь 751,000 человѣкъ.

Проведенъ былъ во Франціи этотъ законъ о трехлѣтней службѣ весьма своеобразно, и на соотношеніе военныхъ силъ обоихъ государствъ въ ближайшіе годы этотъ законъ будетъ имѣть довольно большое вліяніе. Такъ какъ контигентъ солдатъ второго года, тѣхъ, которые родились въ 1890 г., не хотѣлъ оставаться подъ знаменами еще на третій годъ и даже подкрѣпилъ свой отказъ эксцессами и бунтами, то пришлось отпу-

стить этихъ солдатъ еще осенью 1913 г., но зато произвели наборъ рекрутовъ одновременно за два года—призвали родившихся, какъ въ 1892, такъ и 1893 г. Вслѣдствіе этого, обучать придется теперь не одинъ только годичный комплектъ, а сразу два годичныхъ комплекта. Но это обстоятельство ставитъ французскую армію въ такое положеніе, при которомъ она почти лишена была бы возможности вести войну въ настоящій моментъ. Зато положеніе мѣняется къ лучшему уже со слѣдующаго года. Чтобы ввести въ законную норму ранній призывъ новобранцевъ, родившихся въ 1893 г., понизили возрастъ подлежащихъ отбыванію воинской повинности на одинъ годъ, т. е. съ 21 года до 20 лѣтъ. Поэтому, осенью 1914 г. будутъ призваны тѣ, которые родились въ 1894 г. А такъ какъ теперешній второй годичный контигентъ отъ 1891 г. обязанъ уже по новому закону трехлѣтней службой, то его оставятъ подъ знаменами еще въ теченіе 1915 г. А это значитъ, что въ ближайшемъ 1915 г. Франція будетъ имѣтъ подъ знаменами не три, а цѣлыхъ четыре годичныхъ контигента солдатъ, т. е. мирные штаты ея корпусовъ въ этомъ году будутъ больше, чѣмъ требуется даже военнымъ временемъ. Преимущество, которое дастъ Франціи это положеніе, очевидно. Еслибы война разразилась въ 1915 г., то мобилизація была бы закончена тѣмъ легче и быстрѣе, что всѣ корпуса не

только имѣли бы полные штаты военнаго времени, но еще значительную часть людей для укомплектованія мобилизованной арміи запасныхъ.

Если не въ 1915 г., то еще и въ послѣдній разъ Франція сможетъ воспользоваться преимуществами этого положенія лишь въ 1916 г. Осенью этого года будутъ отпущены домой сразу тѣ два контигента солдатъ, которые набраны были въ 1913 г. одновременно. Если же она и на этотъ разъ не используетъ выгодъ этого положенія, своихъ сверхсильныхъ вооруженій, если ей въ теченіе 1915-1916 гг. не удастся вовлечь Россію и Англію въ войну противъ Германіи, то на ближайшіе годы она должна будетъ совсѣмъ отказаться отъ идеи реванша, ибо эти чрезмѣрныя вооруженія совершенно подрываютъ ея экономическое благосостояніе, и она не въ состояніи будетъ повторить свою игру. Въ сущности, положеніе, созданное закономъ о трехлѣтней военной службѣ, есть не что иное, какъ длящееся мобилизованное состояніе арміи. Пусть такая богатая страна, какъ Франція, можетъ нести сопряженныя съ этимъ финансовыя жертвы, — но, вѣдь, слишкомъ велики жертвы людьми, особенно, если принять во вниманіе, что въ теченіе такого продолжительнаго времени не только крестьянинъ будетъ оторванъ отъ своего плуга, а рабочій — отъ станка, но что и вся молодежь, научное и художественное образованіе

которой имѣетъ для государства и его жизни такое колоссальное значеніе, должна будетъ прервать свои занятія на три долгихъ года, чтобы, по окончаніи военной службы, снова начать сначала. Такую громадную жертву Франція не захочетъ принести напрасно и постарается, чтобы она, по крайней мѣрѣ, пошла на пользу идеѣ реванша. Ясно, что логика чрезвычайныхъ военныхъ мѣропріятій толкаетъ Францію на то, чтобы во что бы то ни стало начать войну противъ Германіи въ 1915 или 1916 году.

Но она не довольствуется тѣмъ, что (включая и офицерство) держитъ подъ знаменами два процента всего населенія, а ищетъ еще помощи отъ своихъ колоній, дабы достичь численнаго надъ нами превосходства и безъ поддержки другихъ государствъ. Еще въ 1870 г. „цивилизованнѣйшая“ нація выставила противъ насъ дикія и звѣрскія африканскія полчища. Но оказывается, что въ этомъ отношеніи можно идти еще дальше. Всего больше могутъ дать солдатъ Алжиръ, Сенегамбія и западный Суданъ, имѣющіе населеніе въ 30 милліоновъ, и на это, дѣйствительно, обращено колоніальнымъ вѣдомствомъ самое серьезное вниманіе. Одинъ нѣмецкій путешественникъ, отлично освѣдомленный объ условіяхъ жизни и отношеніяхъ въ Суданѣ, подтверждаетъ это слѣ-

дующими словами: „Французскія власти мало интересуются, какъ развитіемъ торговыхъ сношеній, такъ и колонизаціонными планами. Наоборотъ, что̀ ихъ прежде всего интересуетъ, такъ это то, чтобы колонія существовала собственной черной силою, своею черной интеллигенціей, своими черными деньгами, и производила какъ можно больше французскихъ чернокожихъ гражданъ — какъ можно больше; тысячами, сотнями тысячъ, милліонами. И, само собой разумѣется, всѣ эти милліоны должны поставлять хорошихъ, патріотически настроенныхъ и полныхъ энтузіазма французскихъ солдатъ“.

Уже теперь Франція имѣетъ 28 батальоновъ, такъ называемыхъ, сенегальскихъ стрѣлковъ, но организація африканскаго войска планомѣрно подвигается дальше впередъ. Понятно, эти черныя войска нельзя такъ просто акклиматизировать въ Европѣ. Однако, опытъ примѣненія ихъ на сѣверномъ берегу Африки далъ, повидимому, хорошіе результаты, и теперь считаютъ уже вполнѣ возможнымъ перевести на европейскій военный театръ тѣ войсковыя части европейской или арабской крови, которыя обычно стоятъ на сѣверѣ Африки, и замѣнить ихъ тамъ сенегальскими стрѣлками. Быть можетъ, удастся также перевести въ Европу чернокожихъ, акклиматизовавшихся на сѣверо-африканскомъ побережьи. Во всякомъ же случаѣ,

останутся весьма значительныя силы въ самомъ Суданѣ, откуда ихъ, по уже проложеннымъ путямъ, не трудно будетъ перебросить черезъ экваторіальную Африку къ нашимъ завиднымъ африканскимъ колоніямъ, чтобы ихъ у насъ отнять. Для этой цѣли уже приготовили свыше 20,000 человѣкъ. А съ какой энергіей идутъ военныя приготовленія въ Алжирѣ, можно судить по безперерывному увеличенію алжирскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ, число которыхъ должно быть доведено до 48—по 5 батальоновъ въ годъ—и уже теперь составляетъ 39.

Въ 1912 г. французскія военныя силы составляли отъ $4^1/_2$ до $4^3/_4$ милліоновъ, т. е. отъ 11.3 до 12% всего населенія. Но такъ какъ мужчинъ, годныхъ для военной службы, можно считать лишь 17—18%, то послѣ мобилизаціи останутся въ странѣ для мирныхъ цѣлей одни только дѣти, старики и малосильные субъекты. Веденіе войны такими большими массами во Франціи равносильно, стало быть, тому, что хозяйственная и общественная жизнь страны совершенно остановится. А такъ какъ это абсолютно недопустимо даже въ интересахъ арміи, то было бы лучше, еслибы Франція понизила эту всепоглощающую цифру чуть-ли не въ 5.000,000 солдатъ. Россія со своими 190.000,000 населенія еще въ состояніи приносить такія человѣческія жертвы, но только не Франція.

Какъ бы то ни было, если даже считать только армейскіе корпусы и ихъ резервы безъ территоріальной арміи съ ея резервами, то и въ такомъ случаѣ французской арміи или, вѣрнѣе, французскимъ арміямъ потребуется гораздо болѣе широкое поле дѣйствія, чѣмъ то, которое даетъ имъ франко-германская граница. Эта граница слишкомъ короткаго протяженія, чтобы позволить всѣмъ французскимъ арміямъ одновременно прорваться въ Германію. Слѣдовательно, можно будетъ пустить въ дѣло лишь одну армію за другой или же придется расширить выходы и увеличить ихъ число. И взоры само собой обращаются, прежде всего, на Бельгію. Симпатіи ся къ Франціи слишкомъ очевидны.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

У Гомера Леа мы знакомимся съ такими представленіями о нейтральности, которыя чрезвычайно характерны для британскихъ настроеній. Онъ полагаетъ, что занятіе нейтральной территоріи, напримѣръ Голландіи и Бельгіи, еще до начала войны съ Германіей вызвало бы въ Англіи

сильную оппозицію. „Но это,—полагаетъ онъ,—неосновательно. Ибо и британская имперія ни на кого не произведетъ должнаго впечатлѣнія, если она и будетъ соблюдать нейтралитетъ этихъ государствъ. Нейтралитетъ, вообще, является лишь средствомъ уклониться отъ отвѣтственности, и взвалить ее на тѣ націи, которыя наивно полагаютъ, что заявленія о нейтралитетѣ искренни и, дѣйствительно, ненарушимы и кого-либо связываютъ. При томъ, ни одна нація не нарушала чаще чужого нейтралитета, ни одна нація не оговаривала чаще возможности нарушенія нейтралитета, чѣмъ именно британская... Еслибы британцы въ самомъ дѣлѣ перешли границы какихъ-либо нейтральныхъ государствъ, то это означало бы лишь территоріальное, но отнюдь не моральное нарушеніе ихъ нейтралитета... Безусловнаго нейтралитета не знала еще ни одна война, т. е. не было еще такой войны, въ которой нейтралитетъ чужихъ государствъ не былъ нарушенъ,—не было и не будетъ. Такой нейтралитетъ не что иное, какъ иллюзія, и сугубое заблужденіе." Однако, я не допускаю, чтобы въ Англіи возможна была та оппозиція противъ нарушенія нейтралитета, которую предполагаетъ Гомеръ Леа. Скорѣе я могу полагать, что его теорію тамъ вполнѣ раздѣляютъ.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, которыя

Франція, собственно говоря, цѣликомъ посвятила безпрерывнымъ приготовленіямъ къ войнѣ съ Германіей, ей пришлось уже пережить кое-какія разочарованія: по части конструированія пушекъ мы ее перегнали, съ изобрѣтеніемъ своего пресловутаго бездымнаго пороха она потерпѣла фіаско. Въ тотъ самый моментъ, когда во Фраціи не переставали носиться съ аэропланомъ Лебоди, какъ съ единственнымъ въ своемъ родѣ изобрѣтеніемъ, въ которомъ весь міръ никогда съ нею не сравняется,—въ Германіи появились въ воздухѣ не менѣе, какъ три управляемыхъ воздушныхъ крейсера сразу, и эти крейсеры уже тогда достигли бо́льшей скорости, чѣмъ аэропланы французской конструкціи. И, хотя тамъ съ большимъ воодушевленіемъ бросились на усовершенствованіе авіаціи и использованіе ея въ военныхъ цѣляхъ, тріумфъ продолжался все же очень недолго, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ германскіе аппараты и летчики достигли тѣхъ же успѣховъ. Причина коренится въ природныхъ свойствахъ француза. Французъ интеллигентенъ, изобрѣтателенъ, мужественъ, съ большимъ темпераментомъ бросается на всякую новую идею и чревычайно быстро ею овладѣваетъ; но онъ работникъ неосновательный и лишенъ неисчерпаемаго терпѣнія германца, который, въ противоположность французу, никогда не довольствуется минутнымъ успѣ-

хомъ и не бросается на все новыя идеи, не останавливается на уже достигнутомъ успѣхѣ, а вѣчно ищетъ лучшаго и все болѣе совершеннаго.

Но зато французъ счастливо и съ успѣхомъ примѣняетъ другое средство: онъ ведетъ разрушительную агитацію въ нашихъ пограничныхъ провинціяхъ, въ Эльзасъ-Лотарингіи. Я считаю необходимымъ на это указать, такъ какъ въ предстоящей борьбѣ, по крайней мѣрѣ, въ первые ея подготовительные дни эти провинціи могутъ быть призваны къ весьма отвѣтственной роли—только не къ счастью бѣднаго населенія, если оно не дастъ надлежащаго отпора французскимъ домогательствамъ.

IV.

Выводы.

Послѣ крушенія міровой римской имперіи европейскія націи германской и романской расъ справедливо считаютъ себя носителями культуры и, какъ таковыхъ,—призванными наложить свою печать на всѣ другія, ими открытыя, части свѣта, укрѣпивъ тамъ одновременно, какъ духовную, такъ, бóльшей частью, и свою политическую власть. Но въ исторіи народовъ подтверждается все та же истина: съ теченіемъ времени покоренное населеніе усваиваетъ до извѣстной степени всѣ положительныя свойства господствующей націи и научается пользоваться всѣми тѣми средствами, благодаря которымъ эта нація когда-та достигла господства; вооружившись подобнымъ образомъ, покоренное—въ томъ или другомъ смыслѣ—населеніе начинаетъ стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя наложенныя на него оковы, безразлично, какого характера, духовнаго или также по-

литическаго. Для европейскихъ великихъ державъ вытекаетъ отсюда несомнѣнная опасность быть рано или поздно вытиснутыми изъ занятыхъ ими на различныхъ частяхъ свѣта господствующихъ позицій и отброшенными за границы своихъ старыхъ владѣній. И произойдетъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ изолированнѣе другъ отъ друга онѣ будутъ бороться съ нововозникающими міровыми силами.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Императоръ Вильгелмъ II уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прозорливо предостерегалъ европейскія націи отъ грозящей имъ опасности: „Народы Европы, охраняйте свои священнѣйшія блага!“ Чтó онъ этимъ подразумѣвалъ, — ясно само собой.

Никто не можетъ закрыть глазъ на эту опасность, и было бы, въ сущности, достаточно основаній, чтобы заставить европейскія націи тѣсно сомкнуться для совмѣстнаго ея отраженія. И, въ самомъ дѣлѣ, для этого ни съ чьей стороны не тре-

буется какихъ-либо очень чувствительныхъ уступокъ, а надо только холоднымъ разсудкомъ взвѣсить тѣ территоріальныя, экономическія и политическія требованія, осуществленіе которыхъ для извѣстныхъ государствъ жизненно необходимо, и убѣдиться въ томъ, что удовлетворить этимъ элементарнымъ требованіямъ вполнѣ возможно изъ излишка нѣкоторыхъ другихъ черезчуръ любостяжательныхъ націй, всѣ стремленія которыхъ направлены либо—у одной—на мщеніе сосѣду, либо же—у другой—на подавленіе его. Не такъ ужъ противоположны интересы всѣхъ этихъ государствъ, чтобы нельзя было пожертвовать малымъ ради сохраненія цѣлаго. Еслибы мирныя конференціи въ Гаагѣ поставили себѣ эту цѣль и могли бы питать надежду на то, что имъ удастся достигнуть единенія европейскихъ державъ для борьбы съ внѣевропейскими силами, то онѣ имѣли бы очень большое значеніе. Но это только мечта, и велика пропасть между мечтой и дѣйствительностью! На два большихъ враждебныхъ лагеря раздѣлились шесть великихъ державъ, стонущихъ подъ гнетомъ своихъ тяжелыхъ вооруженій. Онѣ говорятъ лишь о мирѣ и о дружбѣ, но при этомъ одна сторона только о томъ и думаетъ, какъ бы, наконецъ, начать бой, тогда какъ другая съ мечомъ въ рукѣ должна быть каждую минуту готова къ тому, чтобы этотъ бой принять, бой, изъ

котораго Европа выйдетъ растерзанной и надолго лишенной возможности бороться съ тѣми внѣевропейскими силами, которыя угрожаютъ ей на экономической, политической и военной почвѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ англійскій король Эдуардъ—въ страхѣ за то, что растущая военно-сухопутная и морская мощь германской имперіи подорветъ міровое могущество Великобританіи—заключилъ противъ насъ союзъ со всѣми прежними противниками Англіи и ни предъ чѣмъ не останавливался, чтобы, по возможности, насъ изолировать и со всѣхъ сторонъ окружить вооруженными врагами, — съ той поры Европа живетъ въ атмосферѣ постоянныхъ подготовленій къ страшному, кровопролитнѣйшему столкновенію. Тотъ фактъ, что катастрофа все еще не разразилась, что даже балканская война не оказалась еще той искрой, отъ которой имѣетъ взорваться бочка пороха, что, наконецъ, именно Англія всячески до сихъ поръ удерживала своихъ нетерпѣливыхъ союзниковъ, — объясняется, по моему, главнымъ образомъ, характерной для англичанъ трезвостью и дѣловитостью.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Однако, нельзя безнаказанно вызывать духовъ.

. . . .

. . . .

. . . .

Въ дѣйствительности, между этими приготовленіями къ войнѣ и полной боевой готовностью уже нѣтъ существенной разницы. И съ весны 1915 г. мы каждый день можемъ ожидать вторженія въ нашу страну такихъ могучихъ армій, какихъ Европа, какихъ весь свѣтъ еще никогда не видѣлъ. И тогда пробьетъ часъ германской имперіи и ея союзниковъ, тогда мы должны будемъ вести борьбу, болѣе тяжелую, чѣмъ когда бы то ни было; но тогда и энтузіазмъ и готовность на жертвы будутъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, чѣмъ даже во время освободительныхъ войнъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И подобно тому, какъ въ прошломъ году на возстановленіе во Франціи закона о трехлѣтней военной службѣ правительство отвѣтило колоссальнымъ увеличеніемъ нашихъ военныхъ силъ, подобно тому, какъ нѣмецкій народъ принялъ

эти новыя тягости не только безъ ропота, но даже съ радостью и готовностью нести необходимыя жертвы для защиты отечества, такъ во время будетъ сдѣлано — и въ этомъ мы можемъ быть вполнѣ увѣрены — все необходимое, чтобы отразить надвинувшуюся на насъ опасность и отразить всѣми доступными средствами не только въ области чисто-военной, но и финансовой и экономической. Ибо такую колоссальную войну съ такимъ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ воюющихъ государствъ придется вести не только арміей и флотомъ, но и всѣми экономическими и финансовыми силами всѣхъ воюющихъ странъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

О подавленіи численымъ массовымъ превосходствомъ въ современнныхъ битвахъ не можетъ быть и рѣчи; одному противъ пяти или шести драться не придется; лежащія одна противъ другой цѣпи стрѣлковъ будутъ приблизительно одинаково густы или рѣдки. И, поэтому, въ будущемъ, какъ и до настоящаго времени, пре-

восходство окажется на сторонѣ той арміи, солдаты которой интеллигентнѣе, выносливѣе, лучше стрѣляютъ, а вожди которой безошибочнѣе опредѣляютъ силы и расположеніе противника и лучше умѣютъ использовать свои арміи и пускать въ дѣло соотвѣтствующія части тогда, когда это нужно, и тамъ, гдѣ это нужно.

Чрезмѣрное, по сравненію съ силами страны, количественное увеличеніе французской арміи вообще не можетъ, какъ мы видѣли выше, пойти ей на пользу; но это стремленіе увеличить количество обученныхъ людей до максимальныхъ предѣловъ привело не только къ тому, что на время войны страна лишается всѣхъ сколько-нибудь годныхъ силъ, но что подъ ружье попадаютъ и слабосильные субъекты, которые въ трудные моменты должны стать для арміи невѣроятной обузой. Судя по тому, какъ мало французскіе солдаты въ состояніи бороться съ зародышами болѣзней, что, напримѣръ, въ настоящій моментъ не менѣе 36% активнаго войска находится внѣ строя, вслѣдствіе смерти, болѣзни и малосилія, то ясно, что подобные элементы не вынесутъ продолжительныхъ переходовъ, недостаточнаго питанія и постояннаго нервнаго напряженія военнаго времени.

Спору нѣтъ, болѣе длинный срокъ военной службы во Франціи и Россіи можетъ дать лучше обученные кадры, чѣмъ можемъ имѣть мы, при

двухлѣтнемъ срокѣ военной службы. Но чтобы армія была на должной высотѣ, необходимо прежде всего имѣть беззавѣтно преданныхъ и сознательныхъ учителей, т. е. офицерскій и унтеръ-офицерскій кадры выдающихся качествъ. Съ другой стороны, нашей арміи идетъ на пользу одна особенность германскаго солдата, которой въ общемъ лишены романы: не только запасной, но и ополченецъ поразительно твердо запоминаетъ то, чему онъ научился въ строю, на службѣ. Надо наблюдать роту ополченцевъ на плацу, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этого качества. Я самъ видѣлъ, какъ піонеры, техническія знанія которыхъ забываются всего легче, въ теченіе одного-двухъ дней возстановляютъ все пройденное и нуждаются въ самыхъ краткихъ указаніяхъ, чтобы исполнять свои техническія работы съ такой ловкостью, какъ будто они оставили службу лишь вчера, а не десять лѣтъ тому назадъ.

Если уже воевать, то мы пойдемъ въ бой съ той же волей къ побѣдѣ и увѣренностью въ ней, съ какой мы вели войну 1870 года. Эта война учитъ насъ тому, что побѣждаетъ не тотъ, кто располагаетъ массами, какъ таковыми, а тотъ, кто въ состояніи вести войну дольше другихъ, кто упорнѣе въ стремленіи къ своей цѣли. Вообще говоря, перифразъ одного древняго изреченія надъ окномъ большого зала въ дворцѣ мира—

„Si vis pacem, para justitiam"—самъ по себѣ очень красивъ. Но существуетъ-ли абсолютная справедливость? Кто можетъ рѣшить споръ между Германіей и Франціей относительно того, кому принадлежитъ право на Эльзасъ-Лотарингію? Каждая сторона всегда будетъ того убѣжденія, что ей одной принадлежитъ это право. И потому оставимъ ужъ лучше это древнее изреченіе въ его прежней испытанной формѣ:

Si vis pacem, para bellum!

Михаилъ М—скій.

Отъ бурсы до снятія сана.

Дневникъ священника. Цѣна 1 руб.

Изъ отзывовъ печати.

„Въ истекшемъ году много писалось о „бурсѣ“. О бурсѣ говоритъ и книга Михаила М-скаго. Въ ней разсказано, какими бурса выпускаетъ своихъ питомцевъ въ жизнь. при какихъ условіяхъ имъ приходится работать и какія трудности преодолѣвать, если они хотятъ оставаться честными людьми... Книга интересна, какъ правдивый „человѣческій документъ“.

...Вся она—стонъ наболѣвшей души и не вѣрится, что авторъ ее „сочинилъ“, а не выстрадалъ... Многочисленный у насъ классъ духовенства прочитаетъ эту книгу съ большой пользой: она дастъ ему возможность осознать свое человѣческое достоинство. А рядовой читатель найдетъ въ ней безпристрастное описаніе быта священниковъ съ точки зрѣнія человѣка, который смотрѣлъ на священнослуженіе, какъ на духовное и соціальное служеніе народу“.

„Завѣты“—мартъ 1914 г.

...„Безсмертны „Очерки Бурсы“, написанные тяжелымъ, грубоватымъ и въ тоже время яркимъ языкомъ, какимъ говоритъ правда...

...Той же правдой вѣетъ отъ этой искренной, безхитростной и честной книги Михаила М-скаго „Отъ Бурсы до снятія сана“...

I. Ясинскій („Бирж. Вѣдом.“).

„Съ подкупающею искренностью и большой вдумчивостью набросалъ авторъ рядъ моментовъ, ярко характеризующихъ бытъ нашего духовенства, въ рядахъ котораго онъ долгое время пробылъ... Книга представляетъ несомнѣнный интересъ“. *„Ю. К.“ 30 дек. 1913 г.*

...„Просто, безыскусственно, въ формѣ дневника, разсказана „обыкновенная“—на первый взглядъ—исторія, начиная съ годовъ семинарскаго ученія и семинарскихъ бунтовъ противъ о. эконома, продолжая пріисканіемъ невѣсты, женитьбой, діаконствомъ, священствомъ и кончая снятіемъ сана послѣ смерти жены, по причинѣ немощи тѣлесной и кучи малыхъ ребятъ, которымъ необходимъ былъ женскій призоръ.

...Бытъ духовенства въ нашей литературѣ имѣетъ длинный рядъ талантливыхъ изобразителей—отъ Помяловскаго и Лѣскова до Елеонскаго и Гусева-Оренбургскаго. Среда благодарная, оригинальная, самобытная, въ русской жизни занимающая широкое мѣсто. Привлекательность и цѣнность книги Михаила М-скаго въ полномъ отсутствіи выдумки, въ документальной подлинности и правдѣ, правдѣ не только внѣшней, но и внутренней. Это нужная иллюстрація къ современному кризису русской религіозной жизни, захватившему всѣ слои народа, не исключая и тѣхъ, которые доселѣ почитались прочно прилежащими церковности. Дневникъ Михаила М-скаго правдиво характеризуетъ устои, вскрываетъ ихъ подлинную крѣпость. Авторъ не то, чтобы исключительный пастырь, пламенѣющій о подвигахъ—нѣтъ, но это совѣстливый священникъ, искренне вѣрующій, борющійся съ атмосферой того практическаго нигилизма, который такъ легко и готовно усвояется большинствомъ церковнослужителей.

...Хорошая книжка, интересная и нужная...

„Русское Богатство“, мартъ 1914 г.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

О. Миртовъ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ

РОМАНЪ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама. Ц. 1 р. 50 к.

„Только у насъ въ Россiи можетъ сложиться столь странно судьба значительной книги, которая была бы, несомнѣнно, увѣнчана уже въ Европѣ какой-нибудь Гонкуровской или иной премiей".

...„Во всемъ стилѣ этой вещи чувствуется присутствiе того очаровательнаго чисто русскаго свойства, которое скоро сдѣлается у насъ раритетомъ,—имя которому—застѣнчивость. Читая этотъ романъ, словно вдыхаешь на всемъ протяженiи его упоительно-весеннiй ароматъ бѣлорозовыхъ лепестковъ цвѣтущихъ яблонь—задумчивой красы сѣвера. Подъ аккомпаниментъ тихаго звона ихъ дѣвственно-снѣжнаго цвѣтенiя проходятъ одна за другой весны несложной, но такой захватывающе-глубокой въ своемъ драматическомъ примитивизмѣ, человѣческой жизни,—дѣтство, юность и смерть кроткаго, застѣнчиваго, мечтательнаго Степы, въ ранней тоскѣ котораго по Богу, по идеалу, по любви, уже чувствуется его обреченность „жертвы вечерней" . . .

Но здѣсь, какъ и во всякомъ подлинномъ художественномъ произведенiи,—дѣло не въ фабулѣ, не въ сюжетѣ, а въ **соотвѣтствiи содержанiя**—пускай даже не столь значительнаго, съ формой, въ томъ таинственномъ, въ своей имманентности, процессѣ слiянiя формы съ содержанiемъ въ одно неразрывное и гармоническое цѣлое, когда уже трудно указать, гдѣ начинается первое, кончается второе. Я думаю, что въ этой области художественной изобразительности и заключается сила автора и обаянiе этого произведенiя. Нѣтъ ни одного „пустого" мѣста въ описанiяхъ, ни одной художественно-невѣрной ноты, ни одной детали, не имѣющей строго обдуманнаго обоснованiя въ общемъ планѣ художественнаго замысла".

А. Чеботаревская. „День".

„Если сравнить романъ Миртова съ рукодѣлiемъ Вербицкой, съ произведенiемъ Григорьева „На ущербѣ", съ „Гнѣвомъ Дiониса" Нагродской, то серьезность, глубина и талантливость автора сразу бросится въ глаза". *„Современникъ" 1913—9.*

В. Левицкiй.

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

(Съ портретомъ А. БЕБЕЛЯ).

(Его жизнь и дѣятельность) 1840—1913 г. Цѣна 35 к.

„Брошюра г. Левицкаго, составленная весьма удачно, даетъ достаточное и вѣрное представленiе о богатой содержанiемъ жизни Бебеля.

...Написана книжка г. Левицкаго доступно, читается легко и, конечно, прочтется весьма многими". *„Кiев. Мысль".*

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗІИ
о новыхъ изданіяхъ книгоиздательства М. В. ПОПОВА.

❁ **Теофиль Готье. Эмали и Камеи, Перев. Н. Гумилева. Ц. 1 р. 50 к.**

...... „Трудно опредѣлить то колоссальное вліяніе, которое оказалъ Теофиль Готье на поэзію нашего времени. Десятки современныхъ поэтовъ, цѣлыя литературныя поколѣнія испытали это вліяніе, даже не подозрѣвая о немъ. Ихъ языкъ получилъ свою напѣвность и гибкость, ихъ рифмы сдѣлались такими звучными, ихъ великолѣпные образы пріобрѣли свою пышную позлащенность, только пройдя сквозь виртуозный словарь этого искуснаго мастера".

...... „Сборникъ „Эмали и Камеи" заключаетъ въ себѣ лучшія стихотворенія Теофиля Готье. Переводъ ихъ сдѣланъ удачно. Конечно, встрѣчаются недочеты и вольности. Но сохранить ароматъ подлинника, блестящую красоту его образовъ и изысканный стиль—задача чрезвычайно трудная, почти непосильная. Вѣдь до сихъ поръ у насъ еще не было переводовъ Готье, если не считать отдѣльныхъ стихотвореній. Переводъ „Эмалей и Камей"—большая заслуга со стороны г. Гумилева". (*„Кіев. Мысль"*. 15/III, 1914).

❁ „Библіографы и любители поэзіи получили хорошій, нужный подарокъ. **Теофиль Готье**, поэтъ-романтикъ, лелѣющій иронію въ своей душѣ, но внѣшне закованный въ неуязвимую броню, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, былъ внѣ горизонтовъ русскаго читателя и даже русскаго поэта.

Русская литература такъ богата силами, ищущими приложенія, что уже не въ первый разъ позволяетъ себѣ роскошь перевода цѣлой книги стиховъ иностраннаго поэта. Н. Гумилевъ сдѣлалъ хорошій выборъ изъ Теофиля Готье, переводя „Эмали и Камеи".

...... „Нельзя не привѣтствовать появленія у насъ перевода извѣстной книги Теофиля Готье „Эмали и Камеи". Переводъ очень удачный, мѣстами неуступающій оригиналу". (*„Одесс. Новости"* 5/IV 1914 г.).

...... „Довольно солидныхъ размѣровъ сборникъ содержитъ около 60 стихотвореній Теофиля Готье. Тутъ и „Поэма женщины" и „Ностальгія обелисковъ" и „Симфонія ярко-бѣлаго", Широкая читающая русская публика плохо знаетъ прекрасные стихи Теофиля Готье, и новое изданіе цѣнно хотя бы уже потому, что сдѣлаетъ Готье не чужимъ поэтомъ въ средѣ тѣхъ, кто такъ увлекается сейчасъ каждой новой поэтической строчкой". (*„Ран. Утр."* Москва, 12/IV 1914 г.).

...... Переводъ „Эмали и Камеи" Теофиля Готье, сдѣланный Н. С. Гумилевымъ, по праву можетъ счесться подвигомъ піэтета и великодушной любви къ памяти „Добраго Тео"; между тѣмъ, задача эта относится къ числу труднѣйшихъ. „Эмали и Камеи", сборникъ, появившійся въ 1852 г. и весь почти созданный среди тревогъ 1849 г., съ наибольшимъ совершенствомъ воплотилъ художественную личность и доктрину поэта; самое названіе сборника—эмблема, знаменующая торжество поэта надъ упорствомъ коснаго матеріала. Переводъ на русскій языкъ въ большей своей части удался очень хорошо. При необходимости слѣдовать единообразному размѣру оригинала, Гумилеву удалось въ то же время сохранить въ лучшихъ изъ переводовъ и подлинные образы Готье. Это свидѣтельствуетъ о любопытнѣйшемъ и

драгоцѣнномъ психическомъ параллелизмѣ между Готье и его переводчикомъ. Я увѣренъ, что „Эмалямъ и Камеямъ" (изданнымъ къ тому же отлично не въ примѣръ французскому изданію) удастся сразу включить творчество Теофиля Готье въ кругозоръ современной нашей поэзіи; для русскаго художественнаго сознанія оно заключаетъ въ себѣ не мало плодотворной новизны". („*День*", 11/IV 1914 г.).

❋ А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Романъ. Съ предисл. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. 1 р. 25 к.

...... „Повѣсть А. Бибика „Къ широкой дорогѣ" уже пользуется въ нѣкоторыхъ кругахъ громкой литературной извѣстностью.

...... Книга захватываетъ своей волнующей правдой. Въ ней ярко горитъ пламя новаго времени.

...... Повѣсть написана любовно и просто, съ глубокимъ и тонкимъ проникновеніемъ въ душу рабочаго...

...... „У Бибика все насквозь живое и оттого всѣ страницы этой повѣсти точно насыщены тревожной энергіей. Когда вы читаете повѣсть Бибика, вы все время охвачены трепетомъ ожиданія"... („*Кіевск. Мысль*" 14/IV 1914 г.).

..... „Какъ художественное произведеніе романъ А. Бибика не является незамѣтною величиной. Конечно, онъ не свободенъ отъ недостатковъ. Писаніе урывками, между дѣломъ, не могло не отразиться на романѣ, разныя части котораго написаны съ разною силой. Но все это не можетъ свести на нѣтъ главнаго и крупнаго достоинства романа—его несомнѣнной свѣжести, внутренней цѣлости, чего, къ слову сказать, такъ часто не хватаетъ многимъ моднымъ произведеніямъ нашихъ дней". („*Ежем. журн.*" № 4.—1914 г.).

..... А. Бибикъ — безспорно самый крупный изъ современныхъ рабочихъ беллетристовъ. — „Къ широкой дорогѣ"—первый большой романъ изъ жизни рабочихъ, написанный рабочимъ же. Нельзя не привѣтствовать выходъ этого романа отдѣльнымъ изданіемъ и не рекомендовать его усиленному вниманію публики". („*Архангельскъ*" 4/IV 1914 г.).

..... „Романъ А. Бибика: „Къ широкой дорогѣ", задуманъ не въ кабинетѣ, а въ обстановкѣ, мало располагающей къ писательскому творчеству. Въ романѣ нѣтъ яркости, но есть трогательная простота; нѣтъ увлекательности, но есть своя душа живая. А самое главное въ романѣ,—это правда изображенія". („*Саратовскій Лист.*" 15/III 1914 г.).

..... „Романъ г. Бибика представляетъ собой довольно оригинальное явленіе. Авторъ—рабочій, пережившій эпоху „бури и натиска" нашего рабочаго движенія, и автобіографическій элементъ сказывается довольно сильно на всемъ произведеніи. Но бытовой колоритъ очень ярокъ въ романѣ и придаетъ ему особенный интересъ. Романъ Бибика займетъ свое мѣсто какъ яркій документъ эпохи. И если въ произведеніи г. Р. Григорьева: „На ущербѣ", такъ заинтересовавшемъ въ прошломъ году публику, центръ вниманія занятъ интеллигентскимъ кризисомъ, то у г. Бибика на первомъ планѣ—переломъ настроеній въ самой рабочей средѣ". („*Соврем. Слово*", 15/III, 1914 г.).

❋ П. Сентивъ. Симуляція чудеснаго. Съ предисловіемъ **проф. П. Жане.** Перев. **Е. В. Святловскаго. Ц. 1 р. 50 к.**

..... Обильный матеріалъ по симуляціи чудеснаго П. Сентивъ раздѣлилъ на три части, откуда и три отдѣла книги: 1) притворныя болѣзни—общій обзоръ притворныхъ болѣзней и главы о миѳоманіи и патомиміи; 2) симуляція сверхъ-естественныхъ болѣзней, гдѣ говорится о спиритахъ, оккультистахъ, лжедемоніакахъ, ложныхъ пророчествахъ и 3) симуляція чудесныхъ исцѣленій, гдѣ производится обзоръ различныхъ типовъ этихъ симуляцій и отдѣльныхъ случаевъ, вродѣ исцѣленія Пьера Рудера. Матеріалъ подобранъ очень живо. Изложеніе ясное и занимательное". („*Бессараб. Жизнь*").

✽ „Авторъ этой интересной книги задался цѣлью изучить и проанализировать весьма мало разработанную область въ медицинѣ, т. наз. притворныхъ болѣзней.

Ни останавливаясь на разсмотрѣніи притворныхъ болѣзней, авторъ попутно знакомитъ читателя со всевозможными видами симуляціи сверхъестественныхъ болѣзней и чудесныхъ исцѣленій. Цѣль книги—доказать, что всѣ почти сверхъестественныя болѣзни и чудесныя исцѣленія—продуктъ шарлатанства вольнаго, или невольнаго, а чаще всего ловкаго обмана съ цѣлью рекламы или наживы.

Авторъ не признаетъ совершенно ни спиритическихъ, ни оккультныхъ явленій.

Книга интересна и стоитъ быть прочитанной" (*„Изъ мрака къ свѣту"*).

✽ Юр. Слезкинъ. Помѣщикъ Галдинъ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

. . . . . „Повѣсть г. Слезкина гораздо значительнѣе его разсказовъ. Ея живой безыскусственный языкъ и благородное изящество спокойнаго тона сразу располагаетъ въ пользу автора. Въ повѣсти чувствуется ароматъ хорошей литературы—чего то знакомаго и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжаго, новаго—какъ будто т у р г е н е в с к а г о, приближеннаго къ намъ, болѣе непосредственнаго и живого. Авторъ передаетъ эти впечатлѣнія съ захватывающей непосредственностью, безъ лишнихъ словъ и риторики. Простота у него сочетается съ картинностью. Ясно, что достигъ онъ этого желаннаго для новой литературы синтеза не искусственно и даже неумышленно, помимо теоріи, какъ то стихійно. Человѣческая психологія въ повѣсти „Помѣщикъ Галдинъ" намѣчается такъ полно и правдиво, что даже маленькій отрывокъ и эпизодъ можетъ дать понятіе о цѣлой сложной картинѣ сложившихся отношеній. Эта первая большая повѣсть г. Слезкина говоритъ о несомнѣнномъ талантѣ, свѣжемъ и привлекательномъ". *(Е. Кольтеновская „Вѣстникъ Европы"* кн. 4— 1914 г.).

✽ Н. Потапенко. Отступница. Ц. 1 р.

. . . . . „Начинающая писательница Наталія Потапенко сдѣлала попытку нарисовать обликъ новой женщины, старающейся порвать съ традиціями. Ея повѣсть—„Отступница" написана въ старой, реалистической манерѣ. Новая женщина характеризуется у нея тѣми же чертами, что и у модернистки Маръ. И это весьма цѣнно. Значитъ, оба автора, такъ или иначе, почерпнули свои наблюденія изъ жизни". *(„День")*.

✽ Общедоступная Юридическая Библіотека подъ ред. В. Я. Крюковскаго. № 2. Заемъ и заемное обязательство. Ц. 60 к.

. . . . . „О безусловной необходимости и практической значительности изданій, подобныхъ „общедоступной юридической библіотекѣ", а равно какъ и о несомнѣнныхъ достоинствахъ изданія,—мы уже говорили въ рецензіи о первомъ выпускѣ „юридической библіотеки" (о наймѣ имущества). Въ настоящей замѣткѣ остается отмѣтить, что и второй выпускъ „Заемъ и заемное обязательство"—составленъ съ той же добросовѣстностью и тщательностью и можетъ послужить прекраснымъ практическимъ руководствомъ при заключеніи всякаго рода заемно-обязательныхъ договоровъ, а также при составленіи соотвѣтствующихъ исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. Въ это изданіе включены необходимыя данныя изъ новаго закона о мѣстномъ судѣ (отъ 15 іюня 1912 г.), внесшаго нѣкоторыя измѣненія въ судебно-мировой процессъ. (*„Приазов. Край"*, 24/III, 1914 г.).

. . . . . „Второй выпускъ безусловно полезной библіотеки, издаваемой книжнымъ магазиномъ М. В. Попова, подъ редакціей товарища оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената В. Я. Крюковскаго, посвященъ выясненію правъ и обязанностей заимодавцевъ и должниковъ. Въ общедоступной формѣ книга знакомитъ съ основ-

ными началами дѣйствующаго права. Обстоятельно выясняется понятіе о займѣ и его отличительныя черты, лица въ договорѣ займа, формы совершенія займа, права и обязанности должника и пр. Значительную цѣнность представляетъ добавленіе къ книгѣ, въ которомъ приведены образцы исковыхъ прошеній и бумагъ. Вообще отличительной чертой книги является ея дѣловая положительность, сжатая и въ то же время доступная форма изложенія и обиліе чисто практическихъ указаній". („*Послѣд. Нов*". 21/II. 1914 г.).

✽ С. Арефинъ. Первые шаги. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

...... „Всѣ образы написаны выпукло и правдиво, какъ и картины жизни въ станицѣ. Эти сцены въ рудничной конторѣ, въ казачьей семьѣ Марьюшкина свекра или у дьячка,—все дышетъ жизнью, безъ прикрасъ и безъ сгущенія тѣней.

Читается повѣсть легко и съ интересомъ; авторъ умѣетъ смотрѣть своими глазами и своими же словами разсказать видѣнное. („*Современникъ*" 9—1914 г.).

...... „Простой слогъ, живость описаній—эти качества г. Арефина привлекаютъ, а послѣдняя картина—истязаніе Марьюшки пьянымъ мужемъ, написана даже съ захватомъ и производитъ значительное впечатлѣніе Г. Арефину надо поставить въ заслугу и то, что воспользовавшись сюжетомъ „изъ скользкихъ" онъ уклонился отъ подчеркиваній, которыя можетъ быть, и привлекли бы лишнее количество читателей, но испортили бы общій здоровый колоритъ повѣсти". („*Сарат. Вѣсти*").

✽ Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана. Ц. 1 р.

„Не безъ удовольствія читается книга о бурсѣ—Михаила М-скаго. Содержаніе книги г. М-скаго не ограничивается бурсой. Больше мѣста занимаетъ въ ней жизнь и дѣятельность бывшаго бурсака въ роли священника, а затѣмъ снятіе сана, послѣ чего бывшій священникъ занятъ поисками работы.

Тяжело жить въ бурсѣ, но едва-ли не тяжелѣе священствовать... Обо всемъ этомъ разсказывается въ формѣ дневника, который читается, какъ и выше сказано, не безъ удовольствія, благодаря исключительно живости изложенія". („*Вятск. Рѣчь*" 27/III 1914 г.).

✽ Отто Ранкъ и Гансъ Заксъ. „Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ". Перев. М. Кобылинской. Ц. 1 р. 50 к.

Съ точки зрѣнія школы С. Фрейда, послѣдователями которой являются оба автора настоящей книги, культурное творчество человѣчества развивалось въ значительной мѣрѣ на почвѣ вытѣсненія и замѣщенія сексуальнаго инстинкта. Прослѣдить этотъ процессъ въ различныхъ областяхъ художественнаго, поэтическаго и, частью, научнаго творчества, раскрыть вліяніе тѣхъ силъ и побужденій, которыя живутъ въ сферѣ подсознательнаго и роль которыхъ оказывается огромной и въ сознательной жизни людей,—такова задача авторовъ. Подъ этимъ угломъ они изслѣдуютъ миѳы и сказки, основныя темы религіознаго творчества, художественныя и философскія заданія и пр. Можно, конечно, оспаривать многіе выводы и частныя указанія авторовъ, но едва ли можно отрицать, что самая точка зрѣнія ихъ интересна и плодотворна.

Во всякомъ случаѣ, книга читается съ большимъ любопытствомъ и проливаетъ свѣтъ — пусть, не полный — на многія интереснѣйшія проблемы духовной жизни человѣчества. („*Совр. Сл.*").

Типографія М. Пивоварскаго и Ц. Типографа. Петроградъ, Моховая 8.

75 коп.

Тип. „Родникъ", СПБ., Невскій 82